

1204
250
319

О ЧЕРКЪ
БОЕВОЙ ЖИЗНИ
АХАЛЪ-ТЕКИНСКАГО ОТРЯДА.

1880—1881 гг.

К. Гейнсъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія департамента Удѣловъ, Моховая ул., № 36.

1882.

250
319

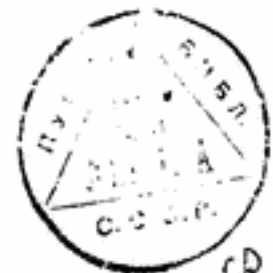
ОЧЕРКЪ

БОЕВОЙ ЖИЗНИ

АХАЛЪ-ТЕКИНСКАГО ОТРЯДА.

1880—1881 гг.

К. ГЕЙНСЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая ул., № 36.

1882.

329

(Изъ №№ 6, 7, 8, 9, 10 и 11 «Военнаго Сборника» за 1882 годъ).

Дозволено цензурѣю. С.-Петербургъ, 29-го октября 1882 года.

I.

Краткій очеркъ ахаль-текинскаго оазиса.—Сборъ нашихъ войскъ въ Самурскомъ укрѣпленіи.—Жизнь въ отрядѣ.—Приготовленіе текинцевъ къ упорной борьбѣ и выборъ четырехъ хановъ главными предводителями.—Сила нашего отряда.—Сборы передъ выступленіемъ.—Рекогносцировка 18-го декабря. Диспозиція штурма Янги-калы.—Позиція текинцевъ.—Планъ для овладѣнія ею.

Ахаль-текинскій оазисъ начинается отъ казанджикскихъ колодезь, богатыхъ вкусною водою, или, еще вѣрнѣе, отъ рѣченки Узунъ-Су, и тянется вдоль горной гряды Конеть-Дага, направляющейся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Множество маленькихъ горныхъ потоковъ, стекающихъ съ сѣверныхъ склоновъ гряды, почти параллельно пересѣкаютъ его и текутъ до тѣхъ поръ, пока не исчезаютъ въ пескахъ. Эти незначительные резервуары, разбираемые по полямъ и садамъ для поливекъ, исчезаютъ скоро. Отсюда ясно, что плодородный, незнающій засухи ахаль-текинскій оазисъ представляетъ узкую полосу земли отъ тридцати до пятидесяти верстъ шириною, огражденную съ одной стороны горами, а съ другой—песчаною степью.

Равнины ахаль-текинскаго оазиса до Асхабада, во время жаровъ, поздней осени и зимы, при отсутствіи зелени, какъ въ мѣстахъ лишенныхъ растительности, такъ и покрытыхъ степнымъ, колючимъ кустарникомъ (саксауломъ), по виду безраздѣльно сливаются съ сосѣдними песками. Какъ исключеніе можно указать на тѣ изрѣдка встрѣчавшіеся незначительные сады изъ фруктовыхъ и тутовыхъ деревьевъ, которые служили намъ указателями мѣстъ, гдѣ поселеніе было гуще. Горы, благодаря общему свойству ихъ мѣнять свой видъ въ зависимости отъ измѣненія освѣщенія и температуры, и здѣсь своею декоративностью значительно измѣняютъ безотрадный видъ песковъ: красивъ бываетъ Конеть-Дагъ, когда безлѣсные скаты его, изрѣзанные безчисленнымъ количествомъ промонъ, яркими и темными змѣеобразными полосами, пестро разрисовываются по сѣробурому глинистому фону; еще красивѣе—когда, при закатѣ солнца, онъ одѣвается въ фіо-

летовую и голубую мглу, когда сквозь рѣдкій туманъ и въ лунную ночь красуются слабые силуэты его вершинъ, когда зимними снѣгами окаймляется только его хребетъ и гряда горъ бѣлой извилистой чертой ярко отдѣляется отъ темно-голубаго неба или выглядываетъ изъ густыхъ спустившихся облаковъ. Не маловажна и реальная польза отъ близкаго сосѣдства этихъ горъ: въ ущельяхъ ихъ встрѣчаются лѣса и травы, которыя можно косить до іюля мѣсяца, а вѣтеръ съ юго-запада и юга освѣжаетъ воздухъ даже въ самые жаркіе дни.

Есть и характерная особенность оазиса, которая заключается въ постройкахъ, встрѣчающихся отъ Казанджика, или, иначе, отъ начала пахатныхъ полей и покрывающихъ далѣе все его пространство: одинъ родъ этихъ построекъ представляетъ укрѣпленія, называемыя *калами*, а другой—глиняные столбики, мѣстами густо пестрящіе поля,—межевые знаки.

За малымъ исключеніемъ всѣ калы устроены одинаково: укрѣпленія эти родъ редутовъ, огороженныхъ тонкими стѣнами, доходящими до трехъ, а иногда и болѣе аршинъ высоты и слѣпленныхъ изъ глины, о которую въ этомъ видѣ плющатся свинцовыя пули, а для фляговаго обстрѣливанія фасовъ пристроены круглыя башни къ угламъ либо діагонально противоположнымъ, либо ко всѣмъ четверемъ. Внутри каждой калы находится редюитъ. Рвы вокругъ укрѣпленій встрѣчались не всегда; зубцы-же на стѣнахъ, которыми въ нашей иллюстраціи постоянно украшаются фантастическія укрѣпленія текинцевъ, не существуютъ ни въ одномъ укрѣпленіи края.

Глиняные-же столбики въ два и три аршина высотой служили, какъ сказано, межевными знаками; но большіе изъ нихъ, въ видѣ башенокъ съ пустотою внутри и амбразурами во всѣ стороны, исполняли должность сторожекъ. Многія изъ нихъ, стоя вдали отъ движенія нашихъ войскъ, вѣроятно, служили непріятелю и для скрытнаго надзора за нами.

На пути по обезлюженному краю встрѣчались намъ пространства съ очевиднымъ признакомъ ушедшаго многолюднаго населенія: центромъ такихъ мѣстъ бывали обыкновенно калы; вокругъ нихъ тѣснилось много конусообразныхъ, кубическихъ и другой формы глиняныхъ слѣпковъ въ видѣ жилищъ, но тѣсное внутри ихъ помѣщеніе и расположеніе ихъ безъ дворовъ указывали на полное отсутствіе прочной осѣлости; за этими жилищами слѣдовали садки, тщательно разработанные огороды, поля, разгороженные на

участки глиняными стѣнками и омываемыя водяными проточными канавами.

Такого характера мѣстность провожала войска наши во все время похода; но когда, по взятіи Денгли-тепе, часть отряда двинулась въ Асхабадъ, то тамъ мы въ первый разъ встрѣтили обширные сады и виноградники. Смотри на эту густоту деревьевъ, стоявшихъ еще безъ зелени, какъ-то не вѣрилось, что въ близкомъ сосѣдствѣ находится безграничное море передвижныхъ песковъ.

Вотъ эти то родныя, плодородныя поля текинцы рѣшились оборонять до послѣдней крайности и, оставивши свои дома, сосредоточились въ Денгли-тепе еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

30-го ноября 1880 года генераль Скобелевъ, занявъ Батыръ-калу, названную впоследствии Самурскимъ укрѣпленіемъ, сталъ лицомъ къ лицу съ многочисленными скопищами текинцевъ. Рекогносцировки 4-го, 11-го и 12-го декабря были послѣдними; во время ихъ исправлены прежде набросанные планы окрестностей Денгли-тепе и Янги-калы, окончательно изучена мѣстность и въ принципѣ рѣшено приступить къ овладѣнію непріятельской позиціи. Начали стягивать войска. Зловѣщая для противника туча росла съ каждымъ днемъ.

Въ ахаль-текинскомъ походѣ обыкновенно бывало, что, при болѣе или менѣе продолжительной остановкѣ, отрядъ обставлялся разнаго рода казенными складами, армянскими лавочками и, такимъ образомъ, среди безлюдья, въ непродолжительномъ времени позиція его, сравнительно съ другими тыльными постами, обращалась въ столицу; такъ случилось и въ настоящее время: продолжительное главенство Баи стало похищаться Самурскимъ укрѣпленіемъ. Сосредоточеніе большаго количества войскъ приманило армянъ-торговцевъ, вызвало изъ Баи всѣ склады, а затѣмъ казначейство, интендантство, почту, госпиталь. Красный Крестъ и другія учрежденія. Народу отъ ежедневнаго прибывавшихъ частей ставилось все больше и больше. Жизнь, на сколько возможно, разнообразилась и проводилась не скучно: музыка гремѣла по цѣлымъ днямъ; пѣсни въ разныхъ концахъ лагеря, задравные возгласы въ громкихъ и веселыхъ товарищескихъ шурушкахъ разносились по всей позиціи.

Въ это же время, только въ двѣнадцати верстахъ восточнѣе Батыръ-калы, тамъ, за виднѣвшейся вдали темной, длинной полосой стѣнъ Денгли-тепе, изъ-за которыхъ возвышался высокій курганъ, кипѣла другая жизнь: масса народа, чернѣвшаго на стѣнахъ, и парти конныхъ, сновавшія въ разныя стороны и постоянно покрывав-

шія курганъ, показывали, что насъ стерегутъ, насъ ждутъ и надѣются отразить; тамъ, какъ видно, все готовилось къ отважной встрѣчѣ. Потомъ мы узнали, что у нихъ къ этому времени было все приведено въ послѣдній порядокъ: жители каждаго аула, составляя какъ бы административную единицу, находились подъ начальствомъ своего аульнаго старшины и, не перемѣшиваясь съ жителями другихъ селеній, занимали по стѣнѣ свой опредѣленный участокъ. Для руководства общимъ ходомъ обороны, народомъ были избраны четыре хана: Махтумъ-Кули-ханъ принялъ начальство надъ поставленными защищать сѣверо-восточный уголъ и прилегавшую часть восточной стѣны; при немъ помощникомъ состоялъ Текма-Сардаръ. Расположенными за этою частью стѣны, которая впоследствии была взорвана, завѣдывалъ Азратъ-Кули-ханъ. Назначенными для обороны южной и юго-западной стѣны предводительствовалъ Оразъ-Махметъ-ханъ и наконецъ Махметъ-Кули-ханъ съ своимъ помощникомъ Софи-ханомъ стояли во главѣ занимавшихъ стѣны передъ курганомъ.

Очевидное для всѣхъ ихъ численное надъ нами превосходство съ одной стороны, а съ другой—воодушевлявшіе ихъ призывы къ отчаянной оборонѣ набожнаго старца Керимъ-Верды-Ишама, который впоследствии съ кораномъ въ рукахъ былъ убитъ на стѣнѣ артилерійскимъ снарядомъ, внушали имъ полную увѣренность въ успѣхѣ предпринятаго рѣшенія биться съ русскими.

Близость нашего расположенія къ непріятельской позиціи давала возможность болѣе любопытнымъ слѣдить за всѣмъ, что происходило въ лагерѣ противника; каждый изъ наблюдавшихъ старался отгадать причину малѣйшаго движенія, дѣлалъ свое замѣчаніе и многими изъ нихъ задавались вопросы: «примуть-ли они нашъ вызовъ на бой или нѣтъ?» Отсюда понятно, какую тревогу они поднимали, когда замѣчали большія партіи, уходившія въ пески.

Между тѣмъ колонна за колонной продолжали прибывать въ Самурское укрѣпленіе. Кромѣ кавказскихъ войскъ, къ составу отряда, 15-го декабря, примкнулъ еще небольшой туркестанскій, который, подъ начальствомъ полковника Куропаткина, только что сдѣлалъ переходъ черезъ сосѣдніе пески напрямикъ.

16-го декабря, вторникъ. Долго утѣшавшая насъ прекрасная погода съ утра измѣнилась на дождливую.

Въ этотъ день, не откладывая долѣе, генералъ Скобелевъ рѣшилъ начать подготовительныя занятія и дѣйствія въ виду предстоящихъ серьезныхъ столкновеній съ противникомъ. Въ рукахъ у него было уже 29 ротъ, 65 орудій, 6 эскадроновъ и сотенъ, всего

3,520 штыковъ и 650 сабель. Остальныя должны были прибыть дня черезъ два.

17-го декабря, среда. Сѣрое, дождливое и холодное утро не имѣло силы остановить торопливую дѣятельность, возбужденную извѣстіемъ, что движеніе впередъ рѣшено дня черезъ два или черезъ три: офицеры бѣгали въ штабъ справляться о назначеніи частей войскъ, въ канцеляріяхъ усиленно заскрипѣли перьями по разнымъ требованіямъ, артилерійскій и интендантскій склады работали безъ устали надъ отпусками, фургоны двигались по всѣмъ направленіямъ—и вообще кипѣла жизнь, поголовно захватывавшая всѣхъ. Въ такой хлопотѣ прошелъ цѣлый день и только съ послѣдними звуками вечерней зари притихло все.

18-го декабря, четвергъ. Послѣ долгой, темной ночи, въ продолженіе которой текинцы, по обыкновенію, подкрадывались и стрѣляли по лагерю, опять четыре хора музыки въ разныхъ концахъ лагеря, въ разбродъ, среди цѣлаго хаоса звуковъ трубъ, рожковъ и барабановъ, зарею встрѣтили непривѣтливое утро.

Холодно; только три градуса тепла; сквозь туманъ продолжаетъ моросить самый надоедливый дождикъ; кругомъ слышится шлепанье по грязи... Казалось, кому охота выходить изъ юломейки, а выглянешь—все та же жизнь: какъ вчера, любознательные наблюдатели, одинъ смѣняя другаго, пристально глядятъ на Денгли-теле въ подзорную батарейную трубу; какъ вчера, раздаются вездѣ шумъ, крикъ и отдаваемые приказанія и вѣчно движущіяся, расторопные фельдфебеля, бойко шлепая по грязи, шмыгаютъ во всѣ стороны. Но къ полудню штиль, родившій дождь, замѣнился порывистымъ восточнымъ вѣтромъ и тучи стали раздвигаться.

Среди всеобщаго настроенія о скоромъ выступленіи, естественно, вызывалось общее вниманіе ко всему, что намекало на движеніе впередъ: такъ, не безъ любопытства публика стала наблюдать за сборомъ казаковъ, сходившихся на поляну восточнѣе лагеря. Вскорѣ, полученное отъ генерала Скобелева приглашеніе всѣмъ начальникамъ принять участіе въ рекогносцировкѣ разъяснило все.

Около двухъ часовъ пополудни, вдоль фронта пяти сотенъ казаковъ, проѣхалъ командующій войсками, окруженный всѣми начальниками частей, составлявшихъ отрядъ. Какъ только послѣ отвѣта на привѣтствіе казаки успѣли зайти плечомъ, сформировать колонный строй для резерва и выслать конную цѣпь вѣво, какъ раздается сигналъ *рысью*. Плавнo понеслись сотня за сотней, затѣмъ

слегка наклонился впередъ широкій значекъ генерала Скобелева, и офицеры тронулись за ходкимъ аргамакомъ своего предводителя.

Быстро уходилъ отъ насъ лагерь, а стѣны Денгли-тепе становились все яснѣе и выше. Недоумѣвавшіе текинцы высыпали всѣ наверхъ. Послѣ четверть-часоваго хода шагомъ, труба опять сыграла рысь и вскорѣ впереди себя мы увидѣли рѣдко разсыпавшихся всадниковъ, готовыхъ открыть огонь. Текинское орудіе съ кургана дало уже четвертый выстрѣлъ, выражавшій у нихъ тревогу и призывъ людей съ псковъ. Съ визгомъ первыхъ пуль колонна перешла на шагъ и продолжала подвигаться, направляясь на Янги-калу.

Количество дѣйствовавшихъ противъ насъ сначала немногимъ превышало численность казаковъ, а выстрѣлы, разбросанные по всей цѣпи фронта и лѣваго фланга, казались не особенно частыми.

Дойдя до валика, съ котораго можно было видѣть всю переднюю линію позиціи, выбранную для перваго удара въ предстоящемъ наступленіи, генералъ Скобелевъ слѣзъ съ лошади; за нимъ слѣзли и мы. Развернувъ планъ Янги-калы, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ; указывая пункты на мѣстности и соответствовавшія имъ изображенія на картѣ, совершенно отчетливо выяснилъ диспозицію предполагаемаго штурма 20-го декабря; ясность, осторожность и простота излагаемыхъ дѣйствій были до того доступны понятіямъ всѣхъ, что не только предлагаемый планъ былъ усвоенъ съ перваго раза, но и внушилъ всѣмъ вѣру въ удачный исходъ дѣла.

Не измѣняя смысла диспозиціи, ее можно передать безъ подробнаго распредѣленія войскъ. Весь отрядъ дѣлился на три части: большая треть и вся кавалерія составляли главные силы, начальство надъ которыми принялъ на себя генералъ Скобелевъ; другія двѣ поручались полковникамъ Куропаткину и Козелкову. Для овладѣнія позиціею Янги-калы, штурмовая колонна полковника Куропаткина выступаетъ раньше и, заходя со стороны горъ, обхватываетъ ее слѣва, а полковника Козелкова, выступивъ съ главными силами, идетъ вмѣстѣ съ ними, направляясь на Денгли-тепе, потомъ быстро отдѣляется къ Опорной калѣ, штурмуетъ одновременно съ полковникомъ Куропаткинымъ позицію съ фронта и затѣмъ, за калами, обѣ колонны соединяются, выбравъ позицію для лагеря.

Нѣкоторыя второстепенныя замѣтки диспозиціи тоже не лишены интереса: строго воспрещалось ея вступать въ рукопашный бой; если оборона будетъ упорная, то приказывалось завладѣвать позиціею постепенно, по кварталамъ, переходя отъ одной стѣнки къ дру-

гой и очищая слѣдующее пространство залпами изъ ружей и пальбой изъ картечицъ и горныхъ орудій; съ этою цѣлью орудія эти придавались пѣхотѣ, которая обязывалась таскать ихъ съ собою.

— Хорошо ли вами поняты, господа, мои желанія и распредѣленія? сказалъ генералъ Скобелевъ, окончивъ разъясненіе диспозиціи;—заявите теперь; всякое сомнѣніе легко разъяснить здѣсь, на мѣстѣ; помните, что мы въ послѣдній разъ осматриваемъ эту позицію—двадцатаго числа надо будетъ уже дѣйствовать.

Послѣдовало нѣсколько вопросовъ; затѣмъ, не смотря на общее увѣреніе въ ясности диспозиціи для каждаго, составитель ея хотѣлъ еще лучше ознакомить насъ съ мѣстностью и рысью двинулся впередъ еще шаговъ на двѣсти; когда бугры, скрывавшіе задній планъ позиціи, уже больше не препятствовали, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній относительно обходной колонны и потомъ велѣлъ отступать.

Между тѣмъ пальба безъ перерыва кипѣла по всей линіи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текинцы пробовали даже напирать, но запрещеніе генерала Скобелева ввязываться въ бой дѣлало нашихъ казаковъ только стойкой оградой.

На приказаніе отступать, графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій кавалеріею, только показывалъ видъ, что приступаетъ къ исполненію: казаки какъ-то странно ворочались, дѣлая круги на одномъ мѣстѣ... «Да прикажите отступать!» вскрикивалъ нѣсколько разъ Скобелевъ: послѣ этого казаки шевелились больше, а отступленія все не было замѣтно. Всѣ сочувственно отнеслись къ этому непослушанію, какъ къ нежеланію открыть командующаго войсками мѣткимъ пулямъ текинцевъ; наконецъ, словно догадавшись, генералъ Скобелевъ повернулъ коня назадъ—и все тронулось съ мѣста.

Въ этой рекогносцировкѣ принялъ участіе и генералъ-лейтенантъ Анненковъ.

При нашемъ возвращеніи, сначала текинцы насѣдали не сильно, но когда наша цѣпь отошла отъ валика шаговъ на пятьсотъ, они бросились занимать его, быстро перебѣгая и подвозя по два стрѣлка на одной лошади. Нѣсколько минутъ послѣ этого пули завизжали чаще.

— Ваше превосходительство, вы ранены!—замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ генералу Анненкову, увидѣвъ, какъ пуля пробила правый его рукавъ. Генералъ ухалъ на перевязку. Вѣроятно, быстрота, съ которою пуля пролетѣла близкое разстояніе, на первый разъ не дала почувствовать ему боль.

Когда возвратились въ лагерь, было уже поздно—играли вечернюю зарю.

Вслѣдъ за недождливымъ днемъ, наступила такая же, но только темная, облачная ночь. Текинцы опять стрѣляли по лагерю и опять, спокойно выснавшись, отрядъ съ разсвѣтомъ принялся за окончаніе укладки и сборовъ къ выступленію.

19-го декабря, пятница. Утро и день проведены были, какъ проводить обыкновенно собирающійся въ дорогу.

Часа въ четыре пополудни, начальники были снова приглашены къ ставкѣ командующаго войсками. Тамъ вторично была прочитана диспозиція съ серьезнымъ подтвержденіемъ, чтобы, въ случаѣ близкихъ схватокъ съ непріателемъ, не допускали солдатъ биться штыками, до чего они большіе охотники: «не надо давать непріятелю того, чего онъ желаетъ», прибавилъ генераль Скобелевъ, оканчивая бесѣду о завтрашнемъ штурмѣ.

Войскъ, продолжавшихъ прибывать ежедневно, къ вечеру этого дня собралось почти все то количество, которое, за необходимымъ расходомъ, должно было составить нашу дѣйствующую силу, а именно: 35 ротъ, 7 эскадроновъ и сотенъ, 67 орудій и 2 ракетныхъ станка; всего 4,020 штыковъ и 750 сабель. Всѣ вѣрили въ достаточность этой силы, и приступъ къ настоящимъ военнымъ дѣйствіямъ дѣлался съ полною надеждою на успѣхъ.

Не входя въ разсужденіе всей нелѣпости плана текинцевъ—запереться въ большую коробку Денгли-тепе и, сидя въ ней, дать намъ генеральное сраженіе, рискуя, въ случаѣ, если побѣда останется на сторонѣ осаждающаго, нанести смертельный ударъ всему населенію, нельзя не сказать нѣсколько словъ о выбранной текинцами позиціи, подъ прикрытіемъ которой они рѣшились остановить наше наступленіе.

Вдоль всего оазиса не встрѣчается такой массы сгруппированныхъ въ одномъ мѣстѣ укрѣпленій, мельничныхъ плотинъ, полевыхъ стѣновъ, овраговъ и промоннъ, сколько увидѣли мы въ двѣнадцати верстахъ восточнѣе Батырь-калы. Вотъ это-то мѣсто, изобилующее описанными мѣстными преградами, и выбрали текинцы своею стратегическою перегородкою. Какъ видно, не мало времени и трудовъ потратили они для достиженія цѣли сдѣлать его непроницаемою. Войска экспедиціи 1880—1881 годовъ застали эту позицію текинцевъ въ слѣдующемъ видѣ: укрѣпленіемъ Денгли-тепе (оно-же Геокъ-тепе) усиливался центръ этой позиціи какъ крѣпкимъ ключемъ, такъ какъ, при толстыхъ и высокихъ стѣнахъ, оно занимало болѣе

версты въ длину и болѣе полуверсты въ ширину. Между этою текинскою крѣпостью и горами все пространство, изрѣзанное преградами, составляя лѣвый флангъ позиціи противника, было застроено крѣпкими обширными калами; по имени болѣе изъ нихъ, Янги-калы, было названо нами и все пространство до подошвы горъ, а правѣе, верстахъ въ двѣнадцати, у самыхъ песковъ, находилась старая ихъ кала—Геокъ-тепе.

Будь текинцы болѣе знакомы съ приемами и дѣйствіями регулярной арміи, хотъ ради того, чтобы лучше понимать цѣль каждаго движенія, то, при своей многочисленности, можетъ быть и достигли того, что линія этихъ преградъ оказалась бы предѣльной границей нашего наступленія.

Въ рукахъ генерала Скобелева былъ выборъ пункта для нападенія на эту растянутую позицію непріятеля, и онъ принялъ систему—не торопясь, прочно, безповоротно отнимать ее у противника по частямъ: сначала рѣшилъ овладѣть укрѣпленіями лѣваго фланга Янги-калы и затѣмъ ужъ, повернувшись фронтомъ къ крѣпости, начать осаду, обхвативъ южный выдающійся уголъ. Лучшее рѣшеніе трудно было придумать: обложеніе самаго узкаго фронта крѣпости только и было возможно нашему малочисленному отряду. Ставъ противъ южнаго угла, а тыломъ къ горамъ, мы оберегали сообщеніе съ Персіею черезъ Гермауское ущелье и, такимъ образомъ, могли свободно подвозить скупленные въ Персіи ячмень и муку; при такомъ расположеніи войскъ охранялись источники рѣкъ, отрѣзалась текинцамъ прямая дорога въ Асхабадъ, а въ военномъ отношеніи только съ южной стороны крѣпости и была ровная мѣстность съ твердымъ грунтомъ; съ трехъ же остальныхъ сторонъ были несчанные курганы, не удобные для рытья траншей и могущіе давать возможность скрытно подходить къ нашему расположенію для производства нападений съ тыла и фланговъ.

И такъ завтра должно начаться разрѣшеніе спорнаго вопроса: или многочисленность противника не допуститъ насъ идти дальше, или горсть нашихъ молодцовъ съ хорошимъ вооруженіемъ, значительнымъ числомъ орудій, за прежній должекъ подведутъ такой расчетъ, послѣ котораго некому будетъ продолжать оборону оголеннаго оазиса.

Вечеромъ все было готово къ выступленію. Крайне незначительная часть войскъ, оставляемая въ Самурскомъ укрѣпленіи, не могла-бы, въ случаѣ нападенія, защищать всю занимаемую нами позицію,

вслѣдствіе чего приказомъ по отряду велѣно было все остающееся перенести въ укрѣпленіе.

Кибитки и юломейки были сняты и на мѣстѣ лагеря раскрылись широкія поляны, на которыхъ, прикрывшись полостями, улеглись наши молодцы на ночлегъ подъ открытымъ небомъ.

II.

Выступление отряда и занятіе Янги-калы 20-го декабря.—Спеціальная рекогносцировка текинской крѣпости на другой день.—Занятія 22-го декабря.—Измѣненіе манера дѣйствій текинцевъ.—Передвиженіе войскъ ночью съ 22-го на 23-е декабря.—Выступление колонны генерала Петрусевича.—Неожиданный по ней залпъ.—Начало боя.—Первая попытка ворваться въ калу.—Смерть генерала Петрусевича.—Занятіе части калы.—Закладка первой паралели.

20 декабря, суббота. Было около четырехъ часовъ. До разсвѣта еще далеко, но сонныхъ уже не было, и говоръ кругомъ, сливаясь въ какой-то сплошной ропотъ живаго моря, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ сталъ черезъ нѣсколько времени перерываться громкими возгласами: «Здравія желаемъ, ваше благородіе!» Вплотмахъ строилась пѣхота и запрягались орудія. Вскорѣ силуэты безъ шума двигавшихся ротъ по разнымъ направленіямъ и тихій грохотъ колесъ, раздававшійся то ближе, то дальше, показывали, что сборъ войскъ уже начался. Все сходилось къ одному мѣсту. Въ это время розовыя каемки облаковъ и едва проясняющіяся части неба между облаками, на столько обрисовывали ближайшіе предметы, что давали возможность собирающимся не находить и не наѣзжать на своихъ. Разсвѣтъ обѣщалъ хорошую погоду; солнце, котораго давно не видали, весело настроило войска. Собравшіяся въ одно мѣсто пѣхота и артилерія сами кое-какъ размѣстились въ нѣсколько линій. Раздававшіеся крики рабочихъ, вытаскивавшихъ въ разныхъ мѣстахъ застрявшіе фургоны, давали знать, что не скоро подтянемъ свой хвостъ.

Часомъ въ десять передъ строемъ появился генералъ Скобелевъ; войска точно повеселѣли, здороваясь съ тѣмъ, кому охотно доверялись передъ боемъ. Быстро обскакавъ колонны, онъ вызвалъ знамена передъ середину и приказалъ начать молебень.

Едва послѣ отбоя знамена разошлись по баталіонамъ, какъ съ праваго фланга выдвинулись впередъ восемь ротъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и десять орудій, составлявшихъ колонну полковника Куропаткина, и безостановочно пошли огъ по указанію диспозиціи, придерживаясь подошвы горъ. Прочія части остались на мѣстѣ.

Хорошо освѣщенные войска наши, безъ сомнѣнія, были отчетливо видны текинцамъ, собравшимся на стѣнахъ своей крѣпости: видѣли они, какъ съ обнаженными головами всѣмъ отрядомъ преклоняли колѣна; видѣли, какъ часть войскъ, отдѣлившись отъ общей массы, двинулась въ ихъ сторону, что заставило выстрѣлами изъ пушки поднять тревогу. Черезъ часъ дождались движенія и остальныхъ войскъ.

Дѣйствительно, колонна полковника Козелкова, применивъ къ главнымъ силамъ, вмѣстѣ составила довольно внушительную силу; артилерія, двигаясь по двѣ и по три батареи въ одной четырехорудійной колоннѣ, своими хвостами упиралась въ арьергардъ, а уступомъ слѣва шла вся кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ. Два хора музыки, играя безъ перерыва по очереди марши, заставляли всѣхъ идти въ ногу, и трехъ-тысячная масса стройнѣе, чѣмъ войска на любыхъ парадныхъ маневрахъ, двигалась прямо по направленію къ кургану.

Незамѣтно и легко прошли такъ около шести верстъ; въ это время донесшійся справа орудійный выстрѣлъ показалъ, что колонна Куропаткина открыла дѣйствіе; за нимъ, на темномъ фонѣ горъ, закрубилося второе облако ярко-бѣлаго дыма и началась рѣдкая орудійная пальба, а колонна, при которой находился генералъ Скобелевъ, продолжала по прежнему идти стройно и быстро, точно предъ рѣшительнымъ ударомъ.

Текинцы въ недоумѣніи глядѣли на наши дѣйствія: не отдѣляя сколько нибудь значительныхъ силъ для противодѣйствія колоннѣ Куропаткина, они ясно выказали, что придаютъ ей значеніе не болѣе какъ демонстрирующей части войскъ, и что всю опасность видѣли въ колоннѣ, двигавшейся на ихъ укрѣпленіе, вспоминая, вѣроятно, при этомъ, что въ 1879 году уже былъ произведенъ штурмъ съ налета, а потому они, облѣпивши верхи стѣнъ, чернѣли, какъ мухи на бортахъ блюдечка съ чаемъ. Но каково было ихъ изумленіе, когда, не доходя верстъ трехъ до стѣны, колонна Козелкова быстро двинулась направо и, ставъ противъ Опорной калы, начала немедленно обстрѣливать ее; когда затѣмъ вся оставшая часть пѣхоты съ артилерією, составлявшая главные силы, передвинулась еще правѣе, расположившись резервомъ для обѣихъ колоннъ и оставивъ на мѣстѣ всю кавалерію!

Поняли и текинцы въ чемъ дѣло: бѣгомъ двинулись было толпы къ угрожаемымъ каламъ; вдаль виднѣлись скачущіе, имѣвшіе по другому всаднику на кручѣ лошади, но все это было поздно,—

шрапнель горныхъ орудій, находившихся въ первой линіи, и залпы пѣхоты были уже хорошей преградой. Такимъ образомъ, благодаря простому демонстративному движенію на крѣпость, мы встрѣтили незначительное сопротивленіе со стороны укрѣпленій штурмуемой позиціи: только вышедшія изъ крѣпости толпы, вооруженныя ружьями, открыли по насъ довольно частую стрѣльбу, посылая по временамъ и ядра изъ своей единственной пушки.

Колонна Козелкова, выжидая появленія фланговой, медленно подвигалась впередъ, обстрѣливая всѣ калы; но какъ только, около трехъ часовъ, генералъ Скобелевъ подалъ сигналъ: «*встѣ*» и «*наступленіе*», обѣ колонны съ музыкой двинулись впередъ, оставляя резервъ на мѣстѣ, а головныя части кавалеріи, которыя были на это время поручены графу Орлову-Денисову, по слову Скобелева кинулись въ промежутокъ между наступающими колоннами и Денгли-тепе; не встрѣтивъ кавалеріи, онѣ наскочили на засѣвшую въ глубокой промоинѣ пѣхоту и часть ея осталась на мѣстѣ.

Дѣло это кончилось взятіемъ Янги-калы и затѣмъ выборомъ позиціи для лагеря фронтомъ къ крѣпости; но пока штурмовыя колонны устанавливались на ней, изъ резерва 3-й и 4-й батареямъ 19-й артилерійской бригады и нѣсколькимъ ротамъ было приказано развернуть фронтъ налѣво и дѣйствовать по крѣпости и по вышедшимъ впередъ толпамъ. Пушка текинцевъ продолжала стрѣлять и по развернувшимся вновь батареямъ, но, какъ спрятанная за траверсомъ, она не встрѣчала отвѣтовъ изъ нашихъ орудій; тяжелѣе было для густонаселенной крѣпости терпѣть отъ разрыва нашихъ гранатъ, и артилерія кидала ихъ во внутрь, за стѣны; сзади этой боевой линіи прошли всѣ войска резерва и весь обозъ отряда; когда же окончили постройку мостиковъ и обдѣлку спусковъ чрезъ рѣченки и овраги, тогда сняли съ позиціи и послѣднія части войскъ.

Уже вечерѣло, и быстро кипѣла работа надъ окопкой лагеря; къ сумеркамъ траншейная насыпь уже окружала всю нашу позицію.

Первый разъ отрядъ нашъ, расположившись прочнымъ лагеремъ подъ Денгли-тепе, началъ знакомить текинцевъ съ обычаями нашей боевой жизни. Чуть начало темнѣть, какъ, по обыкновенію, поднялся знакомый гамъ: рожки, трубы и барабаны заиграли повѣстку, затѣмъ все притихло; прошло минутъ пять и за мелькнувшимъ ярко сигнальнымъ выстрѣломъ грохнулъ залпъ изъ сорока орудій и вслѣдъ за нимъ раздался отдаленный трескъ рвущихся въ крѣпости гранатъ. Запомнили текинцы съ перваго раза, что у насъ обычай стрѣлять передъ вечерней зарей, и сильно боялись они этой минуты.

Простой, обдуманый маневръ былъ причиною незначительной потери: одинъ убитый и десять раненыхъ были нашей платой за побѣду.

Этотъ маневръ остался у всѣхъ въ памяти не только ясностью цѣли каждаго шага, каждаго поворота, но и своимъ красивымъ видомъ при исполненіи, стройностью, порядкомъ, отсутствіемъ крика начальниковъ и спокойствіемъ движенія въ районѣ полета пуль.

Холодная, ясная ночь покрыла насъ на новосельѣ. Закутавшись полостями, артилерійская прислуга точно исчезла въ своихъ ровникахъ; только одиѣ орудія, наведенныя въ середину укрѣпленія, торчали поднятыми жерлами изъ за свѣжей насыпи.

21 декабря, воскресенье. Еще болѣе холодный разсвѣтъ рано поднялъ отрядъ на ноги. За неимѣніемъ дровъ и углей, всѣ глазами измѣряли положеніе солнца, ярко выкатившагося надъ горизонтомъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали, скоро-ли подыметъ оно на такую высоту, съ которой могло-бы отогрѣть окоченѣлые члены. Около восьми часовъ температура стало мягче; всѣ вышли изъ палатокъ и юломеекъ погрѣться на воздухѣ. Въ это время восточнѣе лагеря началъ собираться отрядъ изъ 6 сотенъ и двухъ орудій; къ девяти часамъ два эскадрона другунъ, двѣ сотни Таманскаго, одна Полтавскаго и одна Лабинскаго полковъ, съ конно-горнымъ взводомъ уже были выстроены, встрѣтили генерала Петрусевича и направились съ нимъ прямо, параллельно восточнаго фаса.

Окончательный осмотръ расположенія крѣпостныхъ стѣнъ, траверзовъ, выходовъ, разныхъ пристроекъ и нанесеніе всего этого на карту составляли главную задачу этой рекогносцировки. Съ этою цѣлью при генералѣ Петрусевичѣ находились начальникъ инженерной части, подполковникъ Рутковскій, и топографъ.

Медленно подвигался къ сѣверу нашъ летучій отрядъ, давая время дѣлать замѣтки; а текинцы, имѣвшіе винтовки, спѣшили на валъ и, усиливая стрѣлявшихъ, все сильнѣе и сильнѣе осыпали пулями обходящую крѣпость колонну; когда-же она скрылась за противоположную, сѣверную стѣну, частая, отдаленная трескотня ружейной пальбы, изрѣдка прерываемая глухими раскатами орудійныхъ выстрѣловъ, дошла до скорости барабанной дроби.

Въ лагеряхъ всѣ внимательно прислушивались къ этой музыкѣ; генералъ Скобелевъ, чтобы предупредить такое положеніе рекогносцирующихъ, взявъ 3-ю батарею 19-й артилерійской бригады, 1-й батальонъ Самурскаго полка и сотню оренбургскихъ казаковъ, пошелъ на встрѣчу Петрусевичу, направившись параллельно западной стѣнѣ. Дойдя

до песчаныхъ кургановъ, колонна остановилась, батарея снялась съ передковъ въ шагахъ восьмистахъ отъ стѣнъ и открыла огонь въ тылъ стрѣляющимъ по нашему отряду. Этимъ замѣтно ослабили порывъ текинцевъ, предполагавшихъ себя обезпеченными внутри крѣпости. Около двухъ часовъ показалась наконецъ ожидаемая кавалерійская колонна изъ за сѣверо-западнаго угла крѣпости; генераль Скобелевъ пошелъ къ ней на встрѣчу, соединился и вмѣстѣ возвратился въ лагерь. Потеря, понесенная нами во время этого движенія, представляла непонятно счастливый для насъ случай: она состояла только изъ одного убитаго и пяти раненыхъ. Положимъ, что наши при обходѣ крѣпости держались отъ нея не ближе тысячи шаговъ, но, съ другой стороны, немалое значеніе имѣло то огромное количество пуль, которое выпущено было текинцами — безусловно хорошими стрѣлками.

Результаты, добытые этою рекогносцировкой, окончательно укрѣпили прежнее рѣшеніе вести атаку на южный уголъ и ускорили распоряженія о началѣ закладки траншей.

Чтобы въ параллель съ военными операціями, не тратя людей для занятія многихъ наблюдательныхъ постовъ, охватывать надзоромъ всю окрестность осаждаемаго укрѣпленія, начали размѣщать географныя станціи и въ этотъ день былъ установленъ одинъ станокъ на стѣнѣ Опорной калы для переговоровъ съ Самурскимъ укрѣпленіемъ. 21-го декабря тоже кончилось вечернею зарею съ залпомъ по Денгли-тепе. Послѣ этого быстро исчезъ послѣдній проблескъ дня, и наступила ночь темная, хотя безоблачная и звѣздная. Текинцы пробовали подползать въ разныхъ мѣстахъ, но, повсюду натываясь на наши пикеты, ограничивались только стрѣльбою по лагерю, не нарушая, конечно, общаго спокойствія.

22-го декабря, понедѣльникъ. Еще не проглядывалъ свѣтъ, когда подъ покровомъ ночи небольшая колонна была выведена полковникомъ Куропаткинымъ, по направленію къ каламъ, лежащимъ противъ праваго фланга лагеря. Безъ препятствій заняла она Ольгинскую и, въ полуверстѣ сѣвернѣе ея, Правофланговую. Какъ обыкновенно бывало, вновь прибывшіе гарнизоны принялись немедленно за лопаты и быстро начали подыматься насыпи и углубляться ходы: едва темнота уступила раннему мутному свѣту, какъ ужъ занятая калы были приведены въ оборонительное положеніе.

Въ лагеряхъ проиграли повѣстку и натянулись шнуры отъ западовъ орудій; прошло нѣсколько минутъ обыкновеннаго промежутка между повѣсткой и зарей, и сорокъ снарядовъ, сопровождаемыхъ

громомъ артилерійскаго залпа, влетѣли въ крѣпость, разнося осколками снарядовъ смерть по всѣмъ направленіямъ, а въ нашемъ лагерьѣ, не встрѣчавшемъ такихъ утреннихъ сюрпризовъ, всѣ весело проснулись. Кругомъ было какъ-то особенно мертво; текинцы почти не показывались, только вдали, къ садамъ, видѣлась наша кавалерія, отправившаяся съ полковникомъ Куропаткинымъ для рекогносцировки пространства на сѣверо-востокъ отъ Денгли-тепе, да раздавались выстрѣлы изъ орудій поручика Берга, который изъ Правофланговой калы огнемъ покровительствовалъ движенію кавалеріи и пристрѣливался по всѣмъ окрестнымъ пунктамъ.

Производимая рекогносцировка мѣстности, болѣе версты отстоящей къ сѣверу отъ Правофланговой, показала, что калы не были заняты противникомъ и богаты запасомъ фуража; вскорѣ полковникъ Куропаткинъ возвратился, потерявъ только безъ вѣсти пропавшими двухъ оренбургскихъ казаковъ.

Цѣлый день текинцы вели до крайности рѣдкую стрѣльбу; по Правофланговой калѣ они пристрѣлялись до того хорошо, что стало опасно въ ней показываться открыто. Подполковникъ Гогоберидзе, раненый въ ногу, былъ одною изъ первыхъ жертвъ хорошей пристрѣлки противника. Впрочемъ потеря этого дня была не велика: убитъ былъ одинъ нижній чинъ, а раненыхъ шесть, изъ которыхъ было два офицера: сотникъ Кременецъ и подполковникъ Гогоберидзе.

Передъ вечеромъ, часа въ четыре, войска наши были какъ-будто немного изумлены, увидѣвъ быстрое и неожиданное появленіе большихъ группъ кавалеріи, выѣзжавшихъ изъ за песчаныхъ кургановъ и направлявшихся къ Самурскому укрѣпленію; но когда узнали, что оттуда идетъ наша колонна, залпы пѣхоты и шрапнель посыпались на нихъ за такое покушеніе. Сначала, подъ влияніемъ рыцарской гордости, они выдерживали нашъ огонь, но черезъ нѣсколько времени, какъ видно, стало очень жутко: сначала раненые, а потомъ и остальные начали быстро исчезать въ пескахъ.

Нельзя не замѣтить, что въ теченіе первыхъ двухъ дней текинцы слегка относились къ положенію осажденнаго: группы конныхъ и пѣшихъ видѣлись кругомъ крѣпости; это придавало окрестностямъ оживленный видъ и давало нищу охотникамъ подползать поближе и скрытно изъ канавъ озадачивать безпечнаго противника, а иногда, мѣткими выстрѣлами, разгонять работавшихъ на валу или во рву. Но съ утра этого дня, безлюдіе вокругъ крѣпости и усиленная дѣятельность надъ улучшеніемъ своего укрѣпленія обратили общее вниманіе; работы впереди южной стѣны передъ травер-

зомъ и передъ самымъ южнымъ угломъ, окончившіяся впоследствии двумя подковообразными укрѣпленіями и соединяющими ихъ съ крѣпостью траншеями, показывали, что у нихъ состоялось въ родѣ какого то поголовнаго рѣшенія: даромъ не бравировать подъ нашими пулями, бесполезно не увеличивать кладбища и заняться усиленіемъ обороны; съ этого же времени началось у нихъ устройство блиндированныхъ ямъ для укрытія семействъ отъ нашихъ снарядовъ.

Еще съ вечера отданнымъ приказаніемъ болѣе трети рабочихъ рукъ—двѣнадцать ротъ⁽¹⁾ должны были приготовиться, чтобы съ зарей приступить къ закладкѣ и работѣ первой паралели.

Всѣ предполагаемая траншейныя работы, для удобства наблюденія за ними и управленія войсками при отраженіи вылазокъ, получили слѣдующую административную и боевую группировку: всѣ траншеи, которыми предполагалось охватить южный уголъ крѣпости съ восточной стороны, назвались правымъ флангомъ и были подчинены полковнику Куропаткину; остальные, т. е. противъ угла крѣпости и долженствующія загнуть на юго-западъ, были названы лѣвымъ флангомъ и начальникомъ ихъ назначался полковникъ Козелковъ. Завѣдывать артилеріею праваго фланга поручалось подполковнику Мамацеву, лѣваго фланга—подполковнику Бобрикову. Завѣдывать всѣми саперными работами назначался полковникъ Рутковский.

23-го декабря, вторникъ. Среди глубокой темноты, дивизіонъ тверцовъ, полусотня лабинцевъ, полусотня таманцевъ и конно-горный взводъ, ночевавшіе въ Правофланговой калѣ, начали собираться къ выступленію, и вскорѣ прибывшій генералъ Петрусевичь передъ самымъ разсвѣтомъ двинулся съ ними по направленію къ сѣверу.

Рѣшеніе—произвести закладку первой паралели днемъ—было причиною усложненія самаго дѣла: колонна генерала Петрусевича назначалась для отвлеченія вниманія непріятеля.

Едва сѣрый, неопредѣленный свѣтъ началъ прорѣзать ночную мглу, какъ колонна, выступившая изъ Правофланговой, уже подошла къ ближайшей калѣ, находившейся отъ нея въ полуверстѣ; не останавливаясь около нея, какъ совершенно брошенной непріателемъ, колонна повернула на сѣверо-западъ въ обходъ роковой калы съ садами.

Еще густой сумракъ скрывалъ предметы, находившіеся шагахъ

(1) 1-й баталіонъ Самурскаго, 3-й баталіонъ Ширванскаго, двѣ роты 3-го баталіона Аншеронскаго и двѣ роты 4-го баталіона Дагестанскаго полковъ; всего: 1,250 человекъ.

въ двухстахъ отъ колонны, когда кавалерія наша, съ раскинутой цѣпью наѣздниковъ съ лѣвой стороны, шла ощупью; но когда голова взводной колонны начала огибать сѣверо-восточный уголъ калы, въ которой еще наканунѣ не было текинцевъ, какъ вдругъ съ плотины, со стѣнъ и изъ-за полевыхъ оградъ грянулъ дружный залпъ, и многими жертвами, упавшими съ лошадей, начался кровавый, славный бой 23-го декабря....

«Къ пѣшему строю слѣзай!» крикнуло нѣсколько голосовъ, и среди громко раздававшихся различныхъ командъ, среди грома убійственнаго огня на разстояніе трехсотъ шаговъ, закипѣло быстрое перестроеніе: наѣздники неслись къ колоннѣ, коноводы отъѣзжали назадъ, соскакивавшіе съ лошадей кавалеристы скучивались по-сотенно и по-эскадронно, санитары бѣгомъ относили раненыхъ, и вотъ минуты черезъ полторы залпы спѣшенной кавалеріи стали отвѣчать на сильный огонь противника. Въ это время конно-горный взводъ занялъ ближайшій бугорокъ, открылъ огонь по текинцамъ, бѣгущимъ на помощь изъ сосѣднихъ укрѣпленій.

Не разсѣялся еще дымъ перваго залпа правѣ бугра, занятаго артилеріею, какъ раздакъ второй; но эту вторую команду *или* уже не могъ произнести любимый и лихой командиръ перваго эскадрона, майоръ Булыгинъ, упавшій съ прострѣленнымъ горломъ. Пальба частая въ раздробь кипѣла и лѣвѣ кургана, гдѣ второй эскадронъ, занявъ обрывъ и ямы, горячо осыпалъ пулями плотину. Послѣ трехъ, четырехъ залповъ все тронулось на калу: первый эскадронъ, принявъ немного вправо, направился къ мельницѣ противъ входа; второй эскадронъ, подъ начальствомъ прапорщика Фадѣева, завладѣвъ глубокимъ оврагомъ, загибавшимся концомъ къ плотинѣ, придвинулся по немъ какъ можно ближе и, внезапно появившись передъ стѣнкой, окружавшей калу, захватилъ ее, вбѣжалъ на высокую плотину и воспользовался возможностью хорошо обстрѣливать отсюда часть калы и длинный, узкій дворикъ, который уже анфилировался продольнымъ огнемъ драгунъ 1-го эскадрона, подбѣжавшихъ ко входу въ калу.

Перекрестный огонь поставилъ текинцевъ въ опасное положеніе, и они кинулись въ ворота, провожаемые нашими выстрѣлами съ самаго близкаго разстоянія. Соблазнились драгуны и кинулись было за хвостомъ бѣгущихъ, но когда, встрѣченные въ узкомъ входѣ толпою текинцевъ, передніе погибли, опять бросились на плотину и усиленнымъ огнемъ стали снова поражать засѣвшихъ во внутреннемъ переднемъ дворѣ, а правый эскадронъ, спустившись въ оврагъ,

огнибающий калу вместе съ казаками, поспѣшно двинулся въ обходъ.

Вслѣдъ за этими первыми минутами боя, подъѣхалъ къ входу генералъ Петрусевиичъ:

— Какъ у васъ идутъ дѣла? спросилъ онъ.

— Ворвались было въ калу, отвѣчалъ прапорщикъ Фадѣевъ, но текинцевъ тамъ такъ много, что наши не выдержали и теперь обстрѣливаемъ внутренность калы.

— За мной! крикнулъ генералъ и, въ сопровожденіи князя Эристова, командира сводно-казачьяго полка, ординарцевъ: вольноопредѣляющаго Гернгросса и драгунскаго унтеръ-офицера, на коняхъ, окруженный спѣшенными драгунами съ прапорщикомъ Исаевымъ, протискался съвозъ узкій проходъ въ калу. Пули роемъ встрѣтили незваныхъ гостей, а изъ постройки, находившейся лѣвѣе входа, раздавался выстрѣлъ въ упоръ, и, раненый въ животъ, генералъ Петрусевиичъ началъ падать, но, поддерживаемый окружающими его и обороняемый пѣшими драгунами, онъ, со всѣми остальными конными и раненымъ Гернгроссомъ, былъ, можно сказать, вытѣсненъ изъ выхода лошадейю назадъ за невозможностью повернуть коней; такимъ образомъ и вторая попытка занять внутренность калы была неудачна.

Когда раненый генералъ Петрусевиичъ былъ отнесенъ къ коноводамъ, драгуны были не въ очень выгодномъ положеніи: продолжать бой перестрѣлкой почти не было возможности—патроны значительно уменьшились. Атака была необходима. Собрались молодцы-драгуны 2-го эскадрона, перекрестились и въ третій разъ ухнули сквозь ворота.... Началась рѣзня.... Ни столпившіеся около воротъ текинцы, ни пальба со всѣхъ сторонъ и изъ-за запертыхъ дверей внутренней стѣны, за которой скрывалось много защитниковъ, — ничего не помогло: драгуны работали безъ устали въ первомъ узенькомъ дворикѣ, заливая его кровью текинцевъ. Недалго продолжалась эта свалка: отважный противникъ дрогнулъ и кинулся въ противоположную сторону, за уголъ высокой стѣнки Внутренней калы, но было поздно: извѣстный въ нашемъ отрядѣ своею храбростью князь Голицынъ съ казаками, а поручикъ Нахичеванскій съ 1-мъ эскадрономъ драгунъ, уже вышли изъ оврага и загородили имъ дорогу. Видя безвыходность своего положенія, текинцы, съ ятаганами въ рукахъ, пригнувшись, чтобы уменьшить цѣль и хоть сколько-нибудь прикрыться за низкой стѣной, кинулись на встрѣчу загородившимъ выходъ, но залпъ за залпомъ изъ-за стѣны, едва не въ упоръ, убавляли число ихъ съ необыкновен-

ною быстротою и заваливали трупами все пространство между стѣною калы и глиняною оградой. Послѣ этого князь Голицынъ двинулся въ сады. Не смотря на то, что поручикъ Бергъ, отлично пристрѣлявшійся по садамъ изъ Правофланговой калы, отбивалъ текинцевъ, спѣшившихъ на помощь изъ крѣпости, все-таки оставшіеся были подкрѣплены и, занявъ мѣста за деревьями, ожидали нашего нападенія.... Вскорѣ гикнули казаки въ шашки, и всѣ неуспѣвшие убѣжать такъ и остались за деревьями, словно спать легли, прикрывшись красными платками.

Съ занятіемъ садовъ дѣло еще не кончилось: въ то время, какъ казаки поглядывали во всѣ стороны и, держась кучами, постоянно подмѣчали скрывавшихся текинцевъ, въ первомъ дворикѣ калы шла по прежнему рѣдкая, но безостановочная пальба. Тамъ не были истреблены еще всѣ стрѣлявшіе изъ закрытыхъ мѣстъ; выстрѣлы изъ саманныхъ кучъ, изъ-за гребня обрыва, заставляли драгунъ разыскивать ихъ вездѣ; тамъ дверь, ведущая въ главную часть калы, еще была заперта и выстрѣлами изъ-за нея уже свалено не мало драгунъ, а за нею скрывалось значительное количество текинцевъ. Это послѣднее обстоятельство особенно возмущало князя Голицына: онъ, не обращая вниманія на пули, вылетавшія отовсюду, верхомъ объѣхалъ кругомъ калы, отыскивая другаго входа, влѣзалъ на стѣну, затѣмъ поскакалъ къ конно-горному взводу, чтобы предложить пробить стѣну, но—и тутъ неудача: всѣ заряды были разстрѣляны. Неизвѣстно, что предпринялъ бы онъ еще, еслибъ со стороны коноводовъ не раздавался сигналъ *отбой*, повторенный нѣсколько разъ. Черезъ нѣкоторое время съ той же стороны послышался голосъ полковника Арцишевскаго: «Отступать!»—Подъѣхавъ къ калѣ, онъ нѣсколько разъ повторилъ то же приказаніе; послѣ этого драгуны и казаки принялись за окончательный розыскъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, а затѣмъ стали примыкать къ своимъ коноводамъ, оставляя въ калѣ кровью залитые дворики и текинцевъ, засѣвшихъ за запертою дверью.

По извѣстію о необходимости значительныхъ средствъ для подъема раненыхъ и убитыхъ, одноколки отъ Краснаго Креста и отъ всѣхъ частей были быстро запряжены и отпущены изъ лагеря къ мѣсту боя; на помощь же отряду была послана колонна изъ роты ставропольцевъ, роты апшеронцевъ и четырехъ орудій 4 й легкой батареи 19-й бригады, подъ начальствомъ полковника Есипова. Послѣднему было приказано, занявъ Петрусевиича сады, укрѣ-

питься и оставаться тамъ для наблюденія за песками въ тылу Денгли-тепе. Почти бѣгомъ шли роты на выручку товарищей.

Въ началѣ своего пути роты прошли сзади 1-й паралели, гдѣ солдаты, начавъ работу съ разсвѣтомъ, къ этому времени, то есть къ девяти часамъ, успѣли укрыться только немного выше пояса. Углубиться скорѣе было трудно, такъ какъ начали они работу, стоя въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, чтобы представить текинцамъ меньше цѣли.

Пройдя около 150 сажень за Правофланговую калу, посланные для подкрѣпленія встрѣтили возвращавшуюся кавалерію, вереницу одноколокъ и небольшую часть пѣхоты изъ колонны полковника Куропаткина. При этой встрѣчѣ онъ сообщилъ полковнику Есипову, что сады очищены совершенно и что онъ объ этомъ сообщилъ уже генералу Скобелеву. Кавалерія продолжала двигаться къ лагерю, а такъ какъ перестрѣлка съ задними частями кавалеріи еще продолжалась, а толпы текинцевъ видѣлись около крѣпости въ значительныхъ массахъ, то, для обстрѣливанія ихъ, орудія открыли пальбу.

Четверть часа спустя, всѣ сосредоточились въ Правофланговой калѣ, куда прибылъ и генералъ Скобелевъ. Не смотря на всю его сдержанность, видно было, что его сильно беспокоила потеря храбраго генерала Петрусевича.

Если бой въ садахъ и стянулъ большія силы текинцевъ на сѣверную сторону и тѣмъ отвлекъ отъ закладывавшихъ 1-ю паралель значительное количество стрѣлковъ, все-таки для большинства, если не сказать для всѣхъ, осталась непонятою причина, почему для начала траншейныхъ работъ былъ избранъ день, а не ночь; казалось бы, что начать работу подъ прикрытіемъ ея было бы выгоднѣе: мы могли бы 1-ю паралель заложить ближе четырехъ сотъ шаговъ, а это, съ своей стороны, имѣло бы огромное значеніе при малочисленности нашего отряда: сокращеніемъ работъ на треть лучше бы сохранились силы отряда и ускорилось бы время штурма.

III.

Похороны убитыхъ въ Петрусевича-садахъ.—Открытое закапываніе траншей.—Работы, произведенныя въ ночь съ 23-го на 24-е декабря.—Прибытіе четырехъ батарейныхъ орудій 1-й батареи 21-й бригады.—Ночь на Рождество.—Парадъ.—Новое распределеніе войскъ.—Успѣхъ работъ въ ночь съ 26-го на 27-е декабря.—Оказавшаяся малочисленность войскъ для предпринятыхъ работъ.—Загадочная бездѣятельность противника и вредное вліяніе этого на отрядъ.—Работы съ 27-го на 28-е декабря.—Рекогносцировка артиллеристовъ.

Около полудня 23-го декабря, длинная вереница одноколокъ, медленно подвигалась съ ранеными, стала втягиваться въ районъ лагеря. Офицеры и солдаты спѣшили къ нимъ на встрѣчу, чтобы узнать объ участи своихъ знакомыхъ и пріятелей.

Къ похоронамъ убитыхъ было рѣшено приступить немедленно, и вскорѣ рядъ носилокъ съ окровавленными покойниками стоялъ передъ аналоемъ. Въ числѣ ихъ находилось два обезглавленныхъ и истерзаныхъ трупа оренбургскихъ казаковъ, безъ вѣсти исчезнувшихъ во время вчерашней рекогносцировки и найденныхъ въ такомъ видѣ во время утренняго боя въ калѣ; ихъ прорѣзанныя груди и спины, мѣстами подожженная кожа и разможенные руки, заложеныя въ прорѣзы живота какъ въ карманы, заставляли присутствующихъ содрогаться.

Панихида кончилась; но едва начали подымать носилки, какъ тихое пѣніе «вѣчная память» было внезапно заглушено громовымъ залпомъ изъ всѣхъ орудій передняго фаса; такимъ образомъ, справивши кровавую трезну надъ братской могилой товарищей, выстрѣлами этими пригласили текинцевъ одновременно съ нами заняться похоронами и своихъ.

День этотъ, исключая кроваваго боя въ садахъ-Петрусевича, не представлялъ болѣе ничего особеннаго: предестная погода, установившаяся съ 20-го декабря, продолжалась; послѣ полудня наши успѣли укрыться съ головою, вслѣдствіе чего и пальба съ крѣпости стала замѣтно притихать; остальные проводили время обыденнымъ порядкомъ, во концъ дня нельзя было назвать благополучнымъ.

Около шести часовъ, внезапно усилившаяся пальба съ крѣпости

вызвала всѣхъ изъ юломеекъ, и мы увидѣли, какъ на лѣвой оконечности первой паралели кипѣла своеобразная спѣшная работа: паралель оказалась длиннѣе предположенной: нужно было ее укоротить; вслѣдствіе этого состоялось приказаніе, крайнюю лѣвую часть засыпать и отступить; жребій палъ на работавшую въ этомъ мѣстѣ 10-ю роту Ставропольскаго полка и артиллеристовъ 6-й горной батареи. Для избѣжанія большой потери, ротный командиръ, поручикъ Мерхелевъ, приказалъ производить отступление по-взводно. Едва первый изъ нихъ началъ открываться, какъ текинцы, замѣтивъ нашу ошибку, подняли учащенную стрѣльбу; съ повтореніемъ того же каждымъ послѣдующимъ взводомъ пальба со стѣнъ становилась чаще и мѣтче; энергическое обстрѣливаніе артилеріей не унимало непріятельскихъ стрѣлковъ и, точно въ отместку, они болѣе всего зацѣпляли артиллеристовъ, переносившихъ ящики. Черезъ полчаса отступила вся рота, перевезены два горныхъ орудія и перенесены патронные ящики.

Не дешево обошелся намъ день 23-го декабря; убиты были: одинъ генералъ, одинъ маіоръ, одинъ есаулъ и 19 нижнихъ чиновъ; ранены: сотникъ Алениковъ и 49 солдатъ, изъ которыхъ большинство умерло.

Траншейные работники, еще не утомленные, съ большою энергіею рылись цѣлую ночь.

Съ раннимъ разсвѣтомъ 24-го декабря жителямъ Денгли-тепе представилась совершенно новая картина: теперь не людей освѣтило передъ ними солнце, а на значительномъ пространствѣ тянулись ломаная линія насыпей, изъ за которыхъ по всей длинѣ, какъ перебрасываемыя вершины волнъ, точно брызгами вылетала пыльная земля. Лѣвѣе этихъ насыпей, если смотрѣть отъ крѣпости виднѣлся возвышенный редутъ № 2-го, съ двумя горными орудіями; далѣе, еще выше, ясно обозначались два десяти-фунтовыхъ орудія, смострящихъ въ амбразуры редута № 1-го, а правѣ его длинной полоской темнѣла четырехглазая батарея № 1-го. Вотъ сколько силъ было употреблено въ одну ночь, чтобы придать первымъ траншейнымъ линіямъ самостоятельную оборону! Работы наши въ траншеяхъ не прекращались и днемъ; противникъ же, не видя цѣли, почти пересталъ стрѣлять, продолжая нести потерю отъ артилерійскаго огня.

Въ этотъ день прибыло четыре орудія батарейной № 1-го батареи 21-й бригады; вступивъ въ составъ боевой части войскъ

только съ четырьмя зарядными ящиками, точно также какъ и двѣ легкія дальнобойныя батареи, прибывшія раньше, артиллеристы были очень недовольны ожидаемой обстановкой: сознавать свою бесполезность за неимѣніемъ боевыхъ зарядовъ и имѣть въ перспективѣ постоянное движеніе съ обозомъ и неучастіе въ дѣлахъ, не представляло имъ большого почета.

Текинцы тоже не оставались безъ дѣла: они что-то копали въ разныхъ частяхъ вала и особенно усердно работали надъ выдвигаемымъ впередъ подковообразнымъ укрѣпленіемъ передъ Мельничной калой. Ихъ работы интересовали и насъ: вѣра азіятскихъ племенъ, что неприступность крѣпости возможна только при высотѣ и толщинѣ вавилонскихъ стѣнъ, какъ-то плохо вязалась съ рѣшеніемъ текинцевъ выдвигаться впередъ небольшими укрѣпленіями съ слабѣйшими профилями; намъ казалось, что это съ ихъ стороны болѣе чѣмъ смѣлость.

Молча, почти безъ перестрѣлки, обѣ стороны трудились надъ окутываніемъ своихъ силъ землею, чтобы лучше сберечь ихъ для послѣдняго боя лицомъ къ лицу.

Вечеромъ зоря не сопровождалась орудійнымъ залпомъ, но, передъ ожидавшими его текинцами, мы только отложили свой долгъ. Приказывалось быть готовымъ дать залпъ по крѣпости въ полночь.

Сочельникъ кончался. Прохладная лунная ночь ничѣмъ не напоминала намъ торжественно встрѣчаемаго въ Россіи вечера кануна Рождества. Въ окружавшей насъ природѣ было такъ тихо и такъ мирно, что какъ-то рѣзко-негармонично отзвучались въ воздухѣ прерывающіе ее отдаленный лай собаки, крикъ верблюда или внезапный выстрѣлъ. Въ pendant къ этой могильной тишинѣ спали войска въ лагеряхъ, спали въ траншеяхъ, гдѣ работы были прекращены и, какъ приготовленные къ погребенію, спали артиллеристы въ своихъ ровикахъ, прикрытые кошмами; только заряженные и наведенныя внутрь крѣпости орудія передняго фаса служили единственнымъ намекомъ на угощеніе.

Близкая полночь. Появились какія-то отдѣльныя тѣни и, вслѣдъ за этимъ, изъ подъ войлоковъ, словно изъ подъ земли, вышла орудійная прислуга; молча, безучастно разобрала принадлежность и въ мракъ казалась недвижимою, окаменѣлою до ожидаемой команды... Впрочемъ и хлопотать не о чемъ... все готово...

«Дѣнадцать часовъ!» раздался чей-то голосъ; въ отвѣтъ на

это ярко блеснула линия огня, оглушительный гулъ раскатился въ горахъ, отозвался въ степи и эхо его слилось съ тихими, гармоничными акордами гимна «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ», какъ будто выливавшагося изъ облаковъ пороховаго дыма.

Только что посылавшіе смерть теперь, вмѣстѣ со всѣми, съ непокрытыми головами слушали эту молитву, прося, можетъ быть, возможно лучшаго исхода въ предстоящихъ бояхъ. Съ финальнымъ звукомъ оркестра опять все стихло, все скрылось, только тамъ, впереди, гдѣ рвались снаряды, какой то отдаленный гамъ— не то крикъ, не то вопль—нарушалъ еще общую тишину.

Такъ отпраздновали мы Рождество. Изъ работъ велѣно было исполнить только необходимую:

Вышка на редутъ № 1-го къ утру была окончена, и помещенный на немъ гелиографный станокъ вступилъ въ связь съ другими станками на стѣнахъ Правофланговой и Янги-калы.

Празднично, весело вошло рождественское солнце; теплый воздухъ выманивалъ всѣхъ изъ юдомеекъ и палатокъ.

Къ десяти часамъ утра 25-го декабря, войска небольшими командами, по двѣнадцати человекъ отъ части, сошли на парадъ и сомкнулись въ одну линію покоемъ. По окончаніи церемоніальнаго марша, генералъ Скобелевъ, вызвавъ офицеровъ, сообщилъ о состояніи силы отряда, о количествѣ и мѣстѣ складовъ разныхъ припасовъ; подѣлившись свѣдѣніями, что отрядъ можетъ легко довольствоваться въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изъ ближайшихъ складовъ и имѣть купленные въ Персіи запасы еще мѣсяца на два или на три, онъ произвелъ на всѣхъ самое хорошее впечатлѣніе; отнесясь иначе къ тому, что служило постоянно канцелярской тайной, онъ уничтожалъ этимъ неправильныя толкованія о положеніи дѣлъ и давалъ основательныя данныя каждому желавшему обсудить тотъ размахъ дѣйствій, который можетъ принять на себя отрядъ. Интересенъ также былъ видъ парада, пестрѣвшаго разнообразіемъ офицерскихъ костюмовъ, начиная отъ сѣраго косматаго пальто до мундира со всѣми орденами.

День этотъ можно было назвать днемъ отдыха: 16° тепла пріятно вліяли на состояніе духа; текинцы почти не показывались внѣ крѣпости и производили какія-то работы внутри ея; наши праздновали и безпрепятственно отсыпались передъ работами, предстоящими ночью; только къ вечеру начало замѣтно свѣжѣть.

Повременное бомбардированіе, которое придерживалось больше

утренней и вечерней зори, въ послѣднее время стало производиться по приказаніямъ; такъ, съ вечера было отдано приказаніе, что завтра, раннимъ утромъ, будетъ произведено обстрѣливаніе крѣпости артилерією.

Другое важное приказаніе касалось административнаго распределенія войскъ; имъ предписывалось, чтобы каждому изъ начальниковъ фланговъ была подчинена на все время осады опредѣленная, постоянная часть войскъ, изъ которой и дѣлались бы наряды по ихъ усмотрѣнію. Съ этою цѣлью въ распоряженіе полковниковъ Куропаткина и Козелкова было назначено по пятнадцати ротъ и по одной охотничьей командѣ, а семь ротъ, въ видѣ постоянного резерва, должны были занимать лагерь; изъ нихъ же дѣлались всѣ наряды для прикрытія колоннъ и еще двѣ роты были назначены занимать Правофланговую и Ольгинскую калы.

Ночь тихая, ничѣмъ вдали отъ траншей не указывавшая на существованіе враждебныхъ силъ, стоявшихъ другъ противъ друга, прошла какъ штиль передъ грозой. Но, на самомъ дѣлѣ, работа подступовъ шла успѣшно.

Зоря застала уже артиллеристовъ при орудіяхъ, но туманъ не повсемѣстный, а только надъ Денгли-тепе, скрывалъ это укрѣпленіе; не было цѣли, не начиналась и пальба. Около десяти часовъ 26-го декабря, бинокли начали сквозь туманъ отличать слабые абресы стѣнъ, которыя съ этого времени становились яснѣе и въ скоромъ времени цѣль открылась совершенно. Линія любопытствующихъ, наставивъ бинокли на текинцевъ, работавшихъ на стѣнахъ, боялась пропустить тотъ драматическій эффектъ, какой долженъ произойти отъ внезапной пальбы. Какъ бывало обыкновенно, вслѣдъ за сигнальнымъ выстрѣломъ начались залпы, только на этотъ разъ сначала изъ одной половины орудія, потомъ изъ другой. Вновь раздавшіеся крики и быстрое исчезновеніе рабочихъ со стѣнъ вызвали какой-то злорадный хохотъ въ отрядѣ, еще ясно сохранявшемъ въ воображеніи истерзанные трупы оренбургскихъ казачковъ.

Наступившая лунная ночь опять приняла въ свой полумракъ части войскъ, вышедшія изъ лагеря по направленію къ траншеямъ послѣ дневнаго отдыха; опять лагерь на ночь опустѣлъ и свѣжія силы новой смѣны бодрѣе застучали лопатами во второй паралели, которая приходила къ концу; на правомъ флангѣ въ эту ночь былъ оконченъ ходъ, соединявшій редутъ № 2-го со второю паралелью,

а построенная въ этой послѣдней батарее № 3-го начала вооружаться; на лѣвомъ флангѣ окончено сообщеніе между второю параллелью и батареею № 4-го, устроенною на двѣ картечницы. Подступы наши находились уже около двухсотъ шаговъ отъ стѣнъ крѣпости. Близость эта, говорятъ, подзадорила послать охотниковъ для осмотра и промѣра рва. Текинцы, неожиданно наѣхавшіе на нихъ, кинулись назадъ, въ крѣпость, и произвели страшный переполохъ крикомъ: «русскіе идутъ!»

Гамъ тысячи голосовъ придавъ рабочимъ, стоявшимъ на новыхъ мѣстахъ, энергію, едва-ли не превышавшую ихъ силы: земля сплошною массою стала взлетать наверхъ и въ самое непродолжительное время успѣли прикрыться за насыпью съ головою. Но пальба все-таки не открывалась, а въ лагеряхъ, среди полной тишины, былъ только слышенъ глухой стукъ колесъ пяти мѣдныхъ орудій 9-ти-фунтоваго калибра, передвигаемыхъ въ траншейную № 3-го батарею. Въ этотъ день, кромѣ убитаго солдата, былъ еще раненъ капитанъ-лейтенантъ Зубовъ, впоследствии умершій отъ этой раны.

27-го декабря не всѣ еще проснулись, когда штабсъ-капитанъ Балубевъ изъ вновь установленныхъ на батареѣ орудій сткрылъ пристрѣлку.

Еще вчера извѣстіе, что барометръ падаетъ, стало беспокоить всѣхъ въ отрядѣ. Бодрый духъ, быстрыя земляныя работы, ничтожное количество заболѣваемыхъ—все это, главнымъ образомъ, находилось въ тѣсной зависимости отъ прекрасной погоды. Утро же 27-го декабря показало, что барометръ правъ. Опасенія разстаться съ ясными теплыми днями начали сбываться: послѣ облачнаго утра, холодный вѣтеръ сталъ усиливаться и облака все гуще заволакивать небо.

Часовъ въ девять получился приказъ, чтобы артилерія опять обстрѣляла Денгли-тене; для этого раза была придумана новая вариация, чтобы больше досадить противнику: постоянно употребляемую пальбу залпами велѣно было замѣнить пальбою орудіями; часовъ въ десять за клубился дымъ передъ лагерной позиціей и передъ траншеями, блѣдно замелькали порѣзывавшіе его огни, а дальній и ближній гулъ выстрѣловъ, точно громовые раскаты, въ теченіе четверти часа разносились въ окрестностяхъ крѣпости. Затѣмъ пальба въ лагеряхъ умолкла; въ траншеяхъ едва поддерживалась, а текинцы какъ будто спрятались.

Необходимо сказать, что спѣшность траншейныхъ работъ, какъ очевидная необходимость, признавалась всѣми, но въ послѣдніе дни стало высказываться, что для такихъ работъ у насъ было мало войскъ: значительная часть солдатъ стала ослабѣвать отъ утомленія, такъ какъ многимъ приходилось пользоваться тѣмъ сомнительнымъ отдыхомъ, какой возможенъ при переходѣ отъ лопаты къ ружью и обратно; на то же указывало и самое устройство траншей: вырываемыя торопливо, за неимѣніемъ рукъ для обдѣлки ихъ, онѣ оставались безъ ступенекъ для выхода, безъ хорошаго приспособленія для стрѣлка, въ родѣ глубокой канавы съ отвѣсными боками, съ безобразною насыпью, упиравшеюся въ край ея; заднія траншеи, за неимѣніемъ людей, по мѣрѣ подвиганія подступовъ впередъ все болѣе и болѣе пустѣли; охраняться могли только переднія. Но прекрасное состояніе духа войскъ не допускало мысли жаловаться на усталость; напротивъ, всѣ по прежнему напрягали силы, чтобы скорѣе подойти къ стѣнамъ и этимъ приблизиться ко дню штурма.

Что же касается молчанія и бездѣтельности текинцевъ, то, съ одной стороны, оно сильно интересовало насъ и для всѣхъ было чѣмъ то таинственнымъ; непоявленіе со стороны противника лазутчиковъ и полная вслѣдствіе этого неизвѣстность объ ихъ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ усиливали общій интересъ. Мы даже не знали внутреннее устройство той крѣпости, которую осаждали; замѣтивъ издали стѣны единственной калы, находившейся внутри крѣпости передъ холмомъ, намъ казалось, что стѣны эти есть часть внутреннихъ перегородокъ, которыми онѣ усиливаютъ оборону. Не зная чѣмъ они занимаются, мы все тверже укрѣплялись въ мысли, что все ихъ вниманіе сосредоточено на устройствѣ преградъ за стѣнами крѣпости. Не могъ же неприятель, въ самомъ дѣлѣ, хладнокровно смотрѣть, какъ цѣлая стѣя окоповъ, наполненныхъ войсками, быстро подходила и обхватывала фасы, составлявшіе южный уголъ ихъ крѣпости. Съ другой стороны—объяснялось превратнымъ понятіемъ о текинцахъ, какъ о военномъ безсильи; отсутствіе серьезнаго отпора съ ихъ стороны при закладкѣ траншей, крайне слабая ихъ стрѣльба, безпрепятственность нашей работы въ теченіе пяти дней какъ будто подтверждали недѣльные о нихъ рассказы, а такое настроеніе не могло насъ подготовить къ экстреннымъ случайностямъ, и дѣйствительно мы были болѣе покойны, чѣмъ слѣдовало: мы дремали. Мы не были научены опытомъ съ уваженіемъ отно-

ситься къ силѣ противника и легко увѣровали въ напутственные проповѣди о ничтожности противника, не обращая вниманія, что говорившіе подобныя рѣчи были люди, знакомившіеся съ войной съ высоты птичьяго полета.

Но наружный видъ всего, что происходило, не могъ навести генерала Скобелева на мысль, что мы совершенно забываемъ о противникѣ: работы шли отлично, порядокъ до возможной степени былъ хорошъ, только повременныя отлучки офицеровъ въ лагерь обѣдать и по дѣламъ служебнымъ какъ будто немного нарушали его.

Среди загадочной тишины со стороны текинцевъ мы встрѣтили ночь. Съ вечера наведенныя въ крѣпость орудія опять ожидали ночнаго сигнальнаго выстрѣла. Въ одиннадцать часовъ ярко брызнула линія роковыхъ огней и громкое эхо раскатилось надъ новыми жертвами противника и всполошило спящихъ. Совершенная тишина остальной ночи только изрѣдка нарушалась орудійными выстрѣлами въ траншеяхъ.

Передвиженіе же рабочихъ и орудій шли своимъ чередомъ: три мортиры и двѣ картечницы выступили изъ лагеря въ приготовленныя для нихъ помѣщенія. Изъ работъ земляныхъ были окончены: вся вторая параллель и полупараллель отъ батареи № 3-го вправо; въ заворотѣ ея помѣстили три перевезенныя мортиры. Одно горное орудіе изъ редута № 2-го было перевезено въ батарею № 6-го, гдѣ уже находились два горныхъ орудія, а въ редутѣ взамѣнъ горнаго поставили мѣдное четырехъ-фунтовое. Сообщеніе съ лагеремъ доведено до конца и въ немъ близъ первой параллели устроено было помѣщеніе для Краснаго Креста и перевязочнаго пункта.

Утро 28-го декабря застало насъ крѣпко кутающимися въ шубы: вода замерзла, Реомюръ показывалъ 0°; все это какъ-то не ладилось съ ярко восходящимъ солнцемъ, теплымъ въ этомъ краѣ даже зимою. Безоблачное небо, во всякомъ случаѣ, обѣщало намъ прекрасный день и хорошее состояніе духа.

Воздухъ еще не начиналъ нагрѣваться, какъ колонна, назначенная въ Самурское укрѣпленіе, выступила для конвоирования отсюда казначейства и разныхъ складовъ. Итакъ укрѣпленіе это недолго было нашей столицей; теперь центръ складовъ и управленія перемѣщались къ войскамъ, къ генералу Скобелеву, подъ пули.

День, дѣйствительно, былъ теплый и всѣ занялись самымъ разнообразнымъ препровожденіемъ времени: офицеры, оставшіеся въ ла-

геряхъ, ходили одинъ къ другому; за базаромъ столпившійся народъ всѣхъ ранговъ, окруживъ вещи убитыхъ генерала Петрусевича, есаула Иванова и другихъ, продававшихся съ аукціона, до того увлекался этой малой азартной игрой, что, кромѣ возбуждавшихъ его криковъ: «кто больше!» не слышалъ ничего; даже орудійные выстрѣлы въ траншеяхъ не могли развлечь ихъ настроеніе, а тамъ, на батареяхъ, наоборотъ, артилерійскіе офицеры и наводчики, не подозрѣвая о существованіи аукціона, всецѣло были поглощены однимъ вопросомъ: «куда попало?»

Часовъ въ одиннадцать, когда было уже 12° тепла, по приказанію генерала Скобелева, всѣ артилерійскіе офицеры, съ завѣдывавшимъ артилерією, верхами отправились черезъ Ольгинскую калу разыскивать позицію, съ которой удобнѣе всего можно было бы обстрѣливать подступъ къ Великокняжеской калѣ, такъ какъ ее предполагалось штурмовать 30-го декабря. При этомъ случаѣ опять всѣ замѣтили отсутствіе дѣятельности оборонявшихся: не смотря на значительную группу офицеровъ, развѣзжавшихъ на пристрѣлянной неприятелемъ линіи у Правофланговой калы, больше четырехъ или пяти пуль не было пущено изъ крѣпости.

Залпы пѣхоты и рѣдкіе выстрѣлы изъ разныхъ траншейныхъ батарей безостановочно продолжались цѣлый день.

Но къ вечеру судьба какъ будто сжалилась надъ крѣпостью, и туманъ, скрывшій стѣны ея до темноты, укрылъ вмѣстѣ съ этимъ неприятеля и отъ нашихъ выстрѣловъ; черезъ нѣсколько времени передъ восходомъ луны онъ разступился и открылъ небо, залитое луннымъ свѣтомъ и мириадами яркихъ звѣздъ.

IV.

Первое ночное нападеніе текинцевъ. — Ходъ боя.—Отступление непріятеля.— Появленіе генерала Скобелева. — Мнѣніе офицеровъ о причинахъ неудачи. — Наши потери.—Перемѣщеніе лагеря. — Взятіе великокняжеской позиціи.—Распоряженіе 30-го декабря при слухѣ о сборѣ текинцевъ. Нападеніе ихъ на Ставропольскій редутъ и лѣвый флангъ лагеря.—Дѣйствія 10-й роты Ставропольскаго полка.—Вторичное перенесеніе лагеря впередъ.—Естрѣча новаго года.

28-го декабря въ воскресенье, съ восходомъ луны, опять все начало замолкать; по обыкновенію впереди лагеря стали появляться команды солдатъ и затѣмъ, какъ толпы беззвучныхъ тѣней, автоматически смыкаться въ сплошной строй... Собрались. Передъ этой молчаливой колонной чередныхъ работниковъ, назначенныхъ въ траншеи, слышится сдержанный голосъ: «Помните: не курить; громко не говорить; ружьями не брякать; кашлять въ кулакъ; рыть землю быстрѣе... На пра—во... ряды вздой... Не стучать штыками... Шагомъ маршъ...» Черезъ минуту, когда все болѣе и болѣе блѣднѣвшія фигуры уходящихъ стали сливаться съ фономъ серебристой лунной мглы, опять воцарилась совершенная тишина.

Но, вдругъ, все встрепенулось и кинулось къ ружьямъ и орудіямъ: неистовый крикъ многихъ тысячъ голосовъ, разлившійся по полю, и внезапно открывшаяся пальба вдоль всѣхъ траншей слились въ одинъ адскій концертъ. Лѣвый флангъ горѣлъ отъ непрерывныхъ залповъ, но правѣе было темно; судорожные, одиночные выстрѣлы, рѣдкая орудійная пальба и крики неумолкаемые, крики зловѣщія больно щемили сердце за участь этого фланга.

Тамъ происходило слѣдующее: собравшись скрытно за калами, составлявшими впоследствии нашу великокняжескую позицію, текинцы незамѣченными подкрались къ самымъ траншеямъ, пользуясь громаднымъ численнымъ превосходствомъ почти одновременно охватили и кинулись на всѣ линіи правофланговыхъ траншейныхъ работъ. Но въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ сила противника была порѣже и на которыхъ нападеніе было менѣе внезапно, войска успѣли себя отстоять: охватившіе редутъ № 1-го пытались было ворваться на бата-

рею, но картечь отважнаго юноши поручика Юренина заставила ихъ отказаться отъ этого намѣренія, оставивъ два (изъ револьвера убитыхъ) трупа въ амбразурѣ. Энергическая стрѣльба четырехъ орудій № 1-го батареи капитана Макшѣева помѣшала попыткѣ текинцевъ атаковать ее; пальба туркестанскаго баталіона окончательно отбросила ихъ назадъ. Часть, кинувшаяся на Правофланговую калу, подпускаемая отважными поручикомъ Бергомъ и лейтенантомъ Шеманомъ на близкое разстояніе безъ выстрѣла, нѣсколько разъ останавливалась и, колеблясь, отступала; но когда, наконецъ, текинцы рѣшились отступить, то картечь, залпы пѣхоты съ двухъ фасовъ и морскія картечницы обратили ихъ въ бѣгство.

Ударъ-же на полупаралель и правую оконечность второй паралели своею внезапностью и неизмѣримо большею массою непріятеля произвелъ на насъ тяжелое дѣйствіе: тамъ линія наша прорвана, наши бѣгутъ, нашихъ рубятъ, врываются на мортирную батарею; часть изрубленныхъ, часть израненныхъ вмѣстѣ съ своимъ командиромъ поручикомъ Прогульбицкимъ остаются на мѣстѣ, остальные бѣгутъ. Ворвавшіеся въ редутъ № 2-го мгновенно запружаютъ его тысячами и гонятся за вытѣсненнымъ гарнизономъ; захваченное ими горное орудіе взвезено на валъ, но, благодаря непонятнымъ обстоятельствамъ, остается на томъ-же мѣстѣ до взятія редута обратно. Увлекаемые успѣхомъ, текинцы захватываютъ правую половину второй паралели, рубятся съ апшеронцами 3-го баталіона, отнимаютъ знамя, убивъ знаменщика и защищавшихъ его офицеровъ и солдатъ, преслѣдуютъ по направленію къ первой паралели, обогащаясь винтовками и патронами, которые выхватываютъ у убитыхъ, добѣгаютъ до батареи № 6-го, захватываютъ тамъ орудіе, предварительно окруживъ его трупами храбро оборонявшейся прислуги. Лѣвый флангъ нашихъ паралелей уже обойденъ; усиленной пальбой изъ батареи № 3-го штабсъ-капитанъ Балуевъ отбивается отъ небольшихъ партій, которыя вслѣдствіе этого бѣгутъ въ обходъ батареи, но вдругъ неожиданные залпы пришедшихъ изъ резерва перегораживаютъ дальнѣйшую дорогу противнику; текинцы остановились; оправившіеся части усиливаютъ стрѣльбу; непріятель, обстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ, кидается назадъ и съ ловкостью дикихъ кошекъ перескакиваетъ черезъ траншеи...

Наши войска опять на своихъ мѣстахъ, только не около прежнихъ товарищей стоятъ вернувшіеся къ своему посту; стройные залпы уже начали гремѣть и на правомъ флангѣ, сквозь которые

прорывались крики: «рады стараться, ваше превосходительство!». Затѣмъ рѣдкая стрѣльба наша стала перемѣшиваться съ стройными звуками маршей, грянувшихъ въ четырехъ мѣстахъ нашихъ траншейныхъ улицъ и переулковъ.

Генераль Скобелевъ, прибывшій съ резервами, тотчасъ-же началъ обходить траншеи, вездѣ съ ласковой улыбкой, составлявшей его характерную физиономическую черту въ бою, благодарилъ солдатъ за молодецкое дѣло, за отбитіе непріятеля; при этомъ мы имѣли случай видѣть, какое поразительное вліяніе онъ имѣетъ на войска: вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, солдаты веселѣли и даже мѣстами пошучивали. Кровавыя лужи на каждомъ шагу, трупы нашихъ безоружныхъ солдатъ и офицеровъ, кое-гдѣ перемѣшиваясь съ бѣлѣвшими рубашками убитыхъ текинцевъ (1), видѣлись вокругъ траншей и говорили о томъ, о чемъ не хотѣлось бы слышать. Впрочемъ неудача наша была неполная: въ концѣ концовъ все-таки прогнанный непріятель не докончилъ своего намѣренія—перерѣзать весь отрядъ и бѣжать; потеря его, хотя относительно нападавшей массы незначительная, все-таки, какъ рассказываютъ текинцы, была около двухсотъ человѣкъ.

Вскорѣ, поуспокоившись немного, чередныя части снова принялись за работу; обезлюженный 3-й апшеронскій баталіонъ выведенъ изъ траншей; санитары, быстро унося раненыхъ и убитыхъ, уничтожали непривлекательную декорацию, а войска залпами изъ орудій и винтовокъ отвѣчали на продолжавшіеся воинственные крики текинцевъ въ коѣпости; оркестры полковой музыки гремѣли безостановочно и долго, пока не успокоилось все кругомъ, пока тѣ, которые могли уснуть, забылись въ тыльной траншеѣ, и затѣмъ снова точно вымерло кругомъ.

Но, кромѣ рабочихъ и часовыхъ, не спалось многимъ офицерамъ; одни, испытавшіе на себѣ всю тяжесть удара и потерявшіе все свое походное имущество и даже деньги, захваченныя текинцами, хлопотали о средствахъ укрыться отъ холода и о посудѣ, изъ чего можно было-бы выпить чаю, а другіе, завернувшись въ бурки, горячо разговаривали о только что преподанномъ тяжеломъ урокъ... «Мы тутъ всѣ виноваты», говорилъ между прочимъ генераль Скобелевъ,

(1) Во время описаннаго боя и во всѣхъ послѣдующихъ вылазкахъ текинцы, въ виду жаркаго дѣла, не смотря на холодъ, сбрасывали халаты, оставалось только въ рубашкахъ и полотняныхъ штанахъ.

посмотрите теперь, какъ будутъ стоять... Всегда молодая армія начинаетъ съ этого...» Въ разговорахъ между собою большинство офицеровъ соглашалось съ выраженіемъ командовавшего войсками, вспоминая общую небрежность къ непріятелю, доходившую до отрицанія въ немъ всякой энергіи; говорили, что продолжительное пребываніе за окопами дурно вліяетъ на духъ солдатъ и даже на бдительность сторожевыхъ, и что не слѣдуетъ устраивать траншей безъ приспособленій выскочить изъ нихъ въ случаѣ необходимости и примоститься стрѣлку къ насыпи для удобной стрѣльбы. Съ этого вечера стала распространяться мысль, что лучше для обороны траншей выходить изъ нихъ на ночь и выждать нападенія за ровиками, тѣмъ болѣе, что непріятель нападаетъ безъ выстрѣловъ. Мнѣніе это стало общимъ, какъ имѣвшее за собой огромное большинство. Въ эту-же ночь по отряду разнесся слухъ, что штурмъ непріятельскихъ укрѣпленій, которыя прикрывали сборъ текинцевъ передъ нападеніемъ, назначенъ завтра, т. е. днемъ раньше прежняго предположенія.

Кровавая схватка этой ночи наглядно показала, что рукопашный бой есть бой на смерть, стоитъ только привести сравнительно цифры убитыхъ и раненыхъ; первыхъ дошло до 97 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были подполковники Мамацевъ, князь Магаловъ и врачъ Троицкій, а вторыхъ—до 30 нижнихъ чиновъ и одного офицера, поручика Прогульбицкаго.

Весь отрядъ, сильно раздосадованный потерей горнаго орудія, знамени 3-го баталіона Апшеронскаго полка и многихъ винтовокъ съ патронами, утѣшалъ себя вѣрою, что трофей эти, за исключеніемъ берданокъ, будутъ возвращены непременно.

Въ числѣ сдѣланныхъ замѣщеній должностей послѣ убитыхъ былъ между прочимъ назначенъ завѣдывать артилерією Правофланговыхъ траншей вмѣсто погибшаго Мамацева полковникъ Гейнсъ.

«Чтобы къ завтрашнему дню все было приведено въ порядокъ», сказалъ между прочимъ генераль Скобелевъ, обходя траншеи, и утро 29-го декабря застало войска за уничтоженіемъ слѣдовъ недавней рѣзни: мѣста, пропитанныя кровью, срѣзались лопатами и засыпались землею. Наши раненые и убитые были убраны еще ночью; только трупы текинцевъ, по мѣстамъ бѣлѣвшіе своими рубашками между траншеями, а также вблизи и вдали передъ Правофланговой калой и траншеями редута № 1-го, еще напоминали вчерашнее горячее дѣло.

Вечеромъ предполагалось отнятіемъ всѣхъ трехъ впереди стоящихъ укрѣпленій, не смотря на то, что траншея не была до нихъ доведена, лишить текинцевъ обширнаго плацдарма, на которомъ они всегда могли бы скрытно собирать большія массы народа. Въ восемь часовъ ожилъ весь лагерь: линія батарей, выдвинувшись съ прикрытіемъ на 250 сажень ближе къ траншеямъ, опредѣлила новый передній фасъ лагера, а за нею кибитки и юломейки стали вытягиваться вдоль фронта новой позиціи. Въ то же время посерединѣ полупаралели между батареями № 3-го и № 5-го, быстро очищалась площадка и передъ вечерней зорей уже красовалась на ней кибитка командовавшего войсками.

Исправленіе того, что генералъ Скобелевъ выразилъ словами «мы всѣ виноваты», онъ для примѣра началъ съ самаго себя, перемѣстившись въ первую линію траншей для лучшаго надзора за ходомъ дѣла, а перемѣщеніемъ лагера на 250 сажень впередъ, кромѣ разрѣшенія тактическаго вопроса, старался уничтожить и продолжительное отсутствіе офицеровъ изъ траншей; онъ видѣлъ, какъ они ходили въ лагерь обѣдать и по разнымъ служебнымъ дѣламъ, но, не имѣя средствъ предоставить имъ возможность ѣсть въ траншеяхъ, генералъ Скобелевъ не хотѣлъ отдать приказанія, которое, обрекая офицеровъ на голодъ, должно было быть причиной разрыва недовольнаго отряда съ его начальникомъ; не запрещалъ онъ отлучку прежде, не запретилъ ее и съ передвиженіемъ лагера впередъ. «Я знаю, что стремленіе каждаго офицера къ своему деньщику такъ велико»,—сказалъ опытный Скобелевъ—«что я счелъ необходимымъ придвинуть лагерь».

Придавали-ли текинцы значеніе перемѣщенію лагера или нѣтъ,—неизвѣстно, но пальба ихъ въ это утро по перемѣщающимся была крайне рѣдкая.

Часовъ около двѣнадцати завѣдывавшій артилерією праваго фланга получилъ отъ начальника этого фланга записку, извѣщавшую, что сегодня между третьимъ и четвертымъ часами будетъ произведенъ штурмъ великокняжеской позиціи.

Послѣ личнаго совѣщанія полковника Куропаткина съ полковникомъ Гейнсомъ о взаимномъ согласованіи дѣйствій въ предстоящемъ дѣлѣ оказалось, что предварительно необходимо артилеріи сдѣлать широкую пробивку. Дальнѣйшая кала, названная внослѣдствіи Туркестанскою, была настолько прикрыта Великокняжескою, что не имѣла ни одного пролома съ тыльной стороны, а это должно

было во время штурма продержатъ пѣхоту открыто подъ выстрѣлами.

Съ этою пѣлюю съ редутовъ № 1-го и № 2-го, а также съ батареи № 1 го задній фасъ Туркестанской калы открывался на столько, что возможно было сдѣлать желаемое отверстіе, но скорое исполненіе оказалось невозможнымъ: легко пробиваемыя на близкомъ разстояніи тонкія стѣны калы безъ сильныхъ сотрясеній только рѣшались, но не ломались; когда же удачный залпъ капитана Макшѣева изъ орудій № 1-го батареи вывалилъ цѣлыя шорота, пальба была прекращена, а полковникъ Куропаткинъ извѣщенъ, что артилерія сдѣлала свое дѣло.

Около трехъ часовъ впереди и лѣвѣе Правофланговой калы темной длинной полосой стала разворачиваться двадцати-орудійная полевая батарея, состоявшая изъ двухъ дальнобойныхъ легкихъ батарей и полубатареи батарейной (1). Для фланкированія восточнаго фаса Денгли-теле и пространства между крѣпостью и калами была выдвинута къ Ставропольскому редуту 3-я легкая батарея 19-й бригады.

Черезъ полчаса траншейныя батареи начали обстрѣливаніе позиціи, назначенной для овладѣнія штурмомъ; немного позже изъ редута № 2-го зашипѣли ракеты по направленію къ ближайшему траверзу, затѣмъ въ тылу раздалась канонада дальнобойныхъ орудій. Безпрерывно взлетающая земля, то со стѣнъ, составлявшихъ калы, то внутри ихъ и въ проходахъ крѣпости показывала, что въ калахъ, если онѣ заняты противникомъ, положеніе его очень затруднительно и что изъ выходовъ не удастся ему выскочить, для противодѣйствія штурмующей колоннѣ. Четверти-часовое бомбардированіе прервалось вдругъ раздавшимся впереди крикомъ «ура» и штурмовымъ маршемъ. вмѣстѣ съ этимъ вынырнувшая изъ траншей колонна Куропаткина покрыла бѣгущими на штурмъ все пространство между траншеями и калами. Минуть черезъ десять она опять исчезла за стѣнами занятой позиціи, оставленной непріателемъ; артилерійскій огонь, сдѣлавъ свое дѣло, сталъ умолкать.

Текинцы, какъ видно, ждали момента штурма и, стрѣлая до него со стѣнъ Денгли-теле не особенно часто и только по батареямъ, съ первымъ же крикомъ «ура» открыли самую живую и самую мѣткую стрѣльбу по штурмующимъ, отыскивая по преимуществу офи-

(1) 4-я легкая батарея 19-й артилерійской бригады, 4-я легкая батарея 20-й артилерійской бригады и полубатарея 1-й батарейной батареи 21-й артилерійской бригады.

церовъ; шедшій впереди штурмующихъ князь Голицынъ былъ раненъ одинъ изъ первыхъ. Сто-пятьдесятъ и двѣсти шаговъ давали текинцамъ возможность бить навѣрняка, и какъ ни быстро было пройдено нашими войсками разстояніе до новой позиціи, но все-таки упало убитыми 16 нижнихъ чиновъ и поручикъ Нелѣповъ, а ранеными— 46 нижнихъ чиновъ, флигель-адъютантъ князь Голицынъ и пять оберъ-офицеровъ: штабсъ-капитанъ Бартошъ, поручикъ Гранниковъ, подпоручикъ Войновъ, прапорщикъ Вогабовъ и хорунжій Ассіеръ.

Отдаленность батарей у Правофланговой калы не давала хорошей цѣли и только одинъ подполковникъ Вильдъ, командиръ 1-й батареи, поплатился раною въ ногу; за то по 3-й батарее 19-й бригады текинцы упражнялись, какъ по мишени; правда, счастливо для людей обошлось это обстрѣливаніе, но лошади за лошадью валились, пока не снялись съ позиціи.

Нельзя здѣсь кстати не упомянуть о замѣчательно молодецкихъ дѣйствіяхъ санитаровъ, которые въ этотъ день наглядно показали, что тѣ, которымъ приходится дѣйствовать не въ окопахъ, теряютъ способность тщательно прятаться и кланяться. Въ то время, когда осыпаемые пулями солдаты, оставшіеся въ крайнихъ траншеяхъ, прижимались плотнѣе къ скату насыпи, отъ времени до времени, кивая головами, санитары выглядывали черезъ верхъ вала, какъ изъ окна, и только слѣдили за падающими ранеными, не видя пуль, глухо вбивающихся въ насыпь... «Братцы, офицеръ упалъ; бери носилки», раздается голосъ одного изъ наблюдавшихъ—и четыре носильщика быстро исчезаютъ за насыпью; черезъ минуту приносятъ поднятаго съ поля, приводя раненымъ одного изъ своихъ, или оставивъ убитаго товарища на полѣ до ночи.

Во время этого боя стоявшимъ у послѣдняго заворота траншеи приходилось наблюдать утѣшительное явленіе или, вѣрнѣе, счастливую пробу, насколько солдатъ нашъ, безъ повуканія начальства, котораго тамъ не было, способенъ относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и насколько можетъ онъ въ опасныя минуты управлять своей волей по собственной инициативѣ. Кромѣ представленныхъ примѣровъ дѣйствій санитаровъ, то же настроеніе высказали и солдаты, наряженные для носки патроновъ. Остановливаясь въ концѣ траншеи, въ послѣднемъ закрытомъ пунктѣ, они сбрасывали съ плечъ тяжелые ящики; при этомъ краткомъ отдыхѣ имъ отчетливо видны были поразительные результаты мѣткой стрѣльбы текинцевъ; въ ихъ распоряженіи было одно—досидѣть до темнаго вечера, но сознаніе, что въ патронахъ нуждаются, для нихъ было силою,

заставлявшей опять взваливать ящики на плечи и выходить въ открытое поле, отдавая себя почти на вѣрную жертву; нельзя было не любоваться этимъ не для реляціи подготовляемымъ подвигомъ безвѣстныхъ героевъ, которые, видя, какъ треть изъ отправлявшихся уже лежитъ на землѣ, повторяли тотъ же маневръ и проходили, осыпаемые пулями, съ тѣмъ же для насъ грустнымъ результатомъ.

Итакъ, предпріятіе текинцевъ 28-го декабря вызвало потерю ближайшихъ къ крѣпости укрѣпленій равнѣе положеннаго срока. Въ ста шагахъ отъ стѣнъ крѣпости воздвиглась наша укрѣпленная позиція, названная великокняжескою. Охотничья кала съ своею угловою башнею, выдвинутая впередъ, прикрывала Великокняжескую калу, а съ Туркестанскою, откинутою немного вправо и назадъ, она обстрѣливала весь промежутокъ перекрестнымъ огнемъ.

Вслѣдъ за занятіемъ позиціи пѣхотою, въ тотъ же вечеръ, въ калы передвинулись на вооруженіе Великокняжеской два горныхъ орудія подъ начальствомъ поручика Тамкѣва и двѣ картечницы—мичмана Голикова; въ Туркестанскую введено было два горныхъ орудія—штабсъ-капитана Грека.

Рано въ этотъ день затихли текинцы, а съ сумерками прекратился даже признакъ ихъ пребыванія за стѣнами, не смотря на то, что они не могли не видѣть при лунѣ темныя линіи людей, разставленныхъ открыто для рытья траншеи къ Великокняжеской калѣ. Въ это время въ занятыхъ калахъ дружно работали лопаты новыхъ квартирантовъ: заваливались лишніе выходы и проломы, тонкія и осыпанныя мѣста стѣнъ исправлялись привалкой земли и закладкой мѣшковъ съ землею, а также вновь продѣлывались бойницы и амбразуры.

Ночью Великокняжескую калу успѣли соединить узкою длинною траншеей съ правофланговыми, а на лѣвомъ флангѣ устроена батарея на три мортиры.

Веселое, яркое солнце и прелестное чистое небо опять начали день 30-го декабря. Съ разсвѣтомъ открывшаяся орудійная пальба по крѣпости особенно отчетливо отдавалась въ лагеряхъ. Пальба однако не была горячая; мѣткость стрѣлковъ и близость разстоянія вызвали выстрѣлы только по вѣрной цѣли.

Часамъ къ тремъ по отряду разнесся слухъ, что во внутреннихъ рвахъ западной стѣны крѣпости замѣченъ сборъ текинцевъ въ значительныхъ массахъ. Ожиданіе возможности вторичнаго нападенія было совершенно естественно: въ одинъ вечеръ 28-го декабря мы выучились

съ осторожностью относиться къ силѣ противника. Со стороны начальства принимались мѣры для прикрытія нашего расположенія со всѣхъ сторонъ; но вслѣдствіе малочисленности отряда имѣлось много ахиллесовыхъ пятъ: быстро двигая впередъ земляныя работы, тыльныя траншеи оставались незанятыми, мортирная батарея № 5-го, недавно еще передовая, охранялась въ это время только взводомъ и была однимъ изъ тыльныхъ пунктовъ траншейнаго расположенія; редуты же № 1-го и № 2-го изображали уже отдѣльныя укрѣпленія, какъ бы для прикрытія пространства между Правофланговою калою и лагеремъ; поэтому, еслибъ ударъ повторили на правыя оконечности траншей, то для дѣйствія во флангъ по вылазкѣ и для противодѣйствія прорыву между лагеремъ и траншейными работами въ пустой редутъ были назначены дивизионъ тверцовъ съ ихъ командиромъ майоромъ Матерно и взводъ 4-й легкой батареи 19-й бригады съ подпоручикомъ Воиновымъ. Когда же стемнѣло, полковникъ Эристовъ, которому поручался этотъ отрядъ, занялъ указанный № 2-го редутъ, тылъ же лѣвофланговыхъ траншей обезпечивался Ставропольскимъ редутомъ. Восемь ночей подрядъ проработавшая въ траншеяхъ рота Закаспійскаго мѣстнаго баталіона и два горныхъ орудія составляли въ это время ихъ гарнизонъ; правѣе этого редута была батарея, вооруженная двумя 4-хъ-фунтовыми мѣдными орудіями подвижной № 3-го батареи, подъ прикрытіемъ другой роты того же баталіона: еще правѣе и позади начинался лагерь. Передній фасъ его представлялъ почти сплошную тридцати-орудійную батарею, прикрытую насыпью, а изъ пѣхоты, которой прикрывались и которою производились всѣ траншейныя работы, для прикрытія лагеря оставалось немного: 12-я рота Ставропольскаго полка стояла по линіи фронта на лѣвомъ флангѣ лагеря, 10-я лѣвѣе ея, огибая флангъ; къ лѣвому же флангу этой послѣдней примыкалъ правый флангъ 4-го баталіона Апшеронскаго полка, который, продолжая огибаніе фланга, частью составлялъ продолженіе линіи западнаго фаса лагеря.

Странно, сознавая всю трудность нападенія на нашъ правый флангъ по отнятіи укрѣпленій, прикрывавшихъ сборъ текинцевъ, все таки поглядывали на правый флангъ. Понятно, съ какою неутомимою бдительностью каждый солдатъ слѣдилъ за впереди лежащею мѣстностью, съ какою уставною точностью начальники занимали свои мѣста и съ какою боязнью за репутацію части придумывали они все, чтобы не допустить текинцамъ прорвать линію вторично. Какъ исключеніе представлялъ Ставропольскій редутъ, который, по отдаленности отъ крѣпости и близости лагеря, считался почему-то

самымъ безопаснымъ мѣстомъ и въ которомъ гарнизонъ, утомленный безсонными ночами за работою въ траншеяхъ, улегся спать.

Въ такомъ положеніи застала ночь. Давно свѣтила яркая луна, какъ вдругъ безъ предварительнаго признака какого бы то ни было нарушенія общей тишины раздались знакомые оглушительные крики: «алла!... алла!...» Сливаясь въ одинъ вопль, могущій вылетать только изъ многихъ тысячъ здоровыхъ грудей, этотъ боевой призывъ охватилъ весь лѣвый флангъ лагеря и Ставропольскій редутъ... Нѣсколько мгновеній — и опять ловко подкравшіеся текинцы очутились внутри его. Въ одномъ мѣстѣ было тонко и на немъ порвалось. Опять всполошились артиллеристы, кинулись къ орудіямъ, но что дѣлать, куда стрѣлять — не выяснялось. Въ теченіе первыхъ минутъ частая пальба въ разбродъ то прекращалась, то возобновлялась, а крикъ атакующихъ неутомимымъ ревомъ продолжалъ разноситься около самыхъ лагерей, пули падали между орудіями, молча стоявшими въ окопахъ флангомъ къ нападающимъ. Впрочемъ, вскорѣ нѣкоторыя батареи открыли пальбу по крѣпости, а 4-я батарея 19-й бригады выкатила изъ траншей первую полубатарею и повернула ее фронтомъ на лѣво... «Требуютъ взводъ отъ 4-й батареи», раздался голосъ адъютанта завѣдывавшаго артилеріею, — и быстро запряженные два орудія отправились къ тыльному фасу лагеря, откуда тоже начались выстрѣлы непріятеля, обошедшаго лагерь. Бой въ Ставропольскомъ редутѣ кончился очень скоро: около половины роты легло на мѣстѣ, а остальные вмѣстѣ съ артиллеристами, уже потерявшими много товарищей, бѣгомъ кинулись изъ редута по направленію къ батарее; другая рота мѣстнаго баталіона, открывшая огонь съ мѣста, не присоединяясь къ оборонявшейся редутъ, тоже не выдержала атаки и при отступленіи оголила батарею; видя такое положеніе и не имѣя холоднаго оружія, еще не полученнаго отъ казны, артиллеристамъ 3-й подвижной батареи оставалось только увеличить толпу быстро отступавшихъ, затѣмъ оставалось текинцамъ ворваться въ лагерь, гдѣ, можно сказать, была одна только артилерія. Что ожидало ее — было неизвѣстно, во всякомъ случаѣ по малочисленности и способу отраженія успѣхъ былъ врядъ-ли возможенъ.

Но, къ счастью, тяжелыя первыя минуты миновали: 10-я рота Ставропольскаго полка при первыхъ крикахъ кинулась въ ружье и, слѣдуя за своимъ испытанной храбрости командиромъ, поручикомъ Мерхелевымъ, на выстрѣлы, быстро появилась передъ ручьемъ, протекавшимъ около батарей; такимъ образомъ, перегородивъ дорогу,

она застала его занятымъ массою перебѣгавшихъ текинцевъ и нашихъ; пропустивъ послѣднихъ, залпами почти въ упоръ остановила преслѣдованіе противника; къ этому же времени подоспѣла и 12-я рота: упершись правымъ флангомъ въ траншею первой паралели, она справа и сзади залпы свои слила съ залпами 10-й роты. Не зная, что происходитъ въ Ставропольскомъ редутѣ, поручикъ Мерхелевъ началъ напирать на текинцевъ, чтобы скорѣе дойти до него... усилія удались—рота дошла, но гробовая тишина въ маленькомъ укрѣпленіи показала, что здѣсь драма кончена.... Узнавъ объ отнятомъ орудіи, командиръ повелъ свою молодецкую роту далѣе быстро, почти бѣгомъ, въ надеждѣ нагнать захватившихъ его, но подскакавшій къ нимъ генералъ Скобелевъ велѣлъ вернуться къ редуту. Не доходя до него, рота стала фронтомъ перпендикулярно къ направлению нападенія, а 12-я рота правѣ ея. Апшеронцы хотя и пробовали помочь ставропольцамъ своими выстрѣлами, но опасность стрѣльбы ночью изъ за спины впереди стоящихъ остановила ихъ; вскорѣ впрочемъ раздавшіеся выстрѣлы въ тылу лагеря дали самостоятельное занятіе и апшеронцамъ.

Минуть черезъ шесть около лагерей притихло все, но торжествующіе крики, которыми встрѣчались новые трофеи—горное орудіе и, вѣроятно, не менѣе пятидесяти берданокъ съ патронами—вызвали съ нашей стороны озлобленную стрѣльбу и, кажется, очень кстати: говорили, что внутри крѣпости шло въ это время навьючиваніе верблюдовъ.... «Начинать бомбардированіе!» слышалось вездѣ въ траншеяхъ и непрерывными перекатами загремѣли орудійные выстрѣлы.... Громкіе вопли женщинъ съ заклинаніями и причитываніями, крикъ верблюдовъ и раздирающій крикъ подшибленных собакъ составили концертъ, который, стоя среди труповъ своихъ товарищей, слушался нашими съ удовольствіемъ. Музыка въ траншеяхъ и бомбардированіе продолжались часовъ до одиннадцати; только одѣй дальнобойныя батареи, выпустивъ по нѣскольку боевыхъ зарядовъ, должны были обратиться въ зрителей.

Головы нашихъ траншейныхъ работъ, не подвергнутыя непосредственному нападенію и не имѣвшія возможности принять участіе въ стрѣльбѣ по отдаленности цѣли, гдѣ бились текинцы и наши, почти безостановочно разрабатывали ходы въ Великокняжескую калу съ праваго и съ лѣваго фланговъ. Наверху башни, заложенной по борту мѣшками съ землею, помѣстили два ракетныхъ станка, мортирная батарея № 5-го ушירה и усилена еще тремя мортирами, а на лѣвомъ флангѣ оканчивалась полунараемъ и вдоль Великокня-

жескаго ручья всѣ лѣвыя оконечности траншей были соединены одною фланговою фронтомъ на западъ, имѣя ручей впереди.

Еще дороже, чѣмъ 28-го декабря, обошелся намъ этотъ второй ночной бой съ текинцами; потеря наша оказалась убитыми: 52 нижнихъ чина и командиръ, можно сказать, вырѣзанной роты, поручикъ Яновскій; ранеными: два оберъ-офицера и 96 солдатъ, да, кромѣ того, были отбиты неприятелемъ одно горное орудіе и нѣсколько десятковъ берданокъ.

Чуть разсвѣло 31-го декабря, какъ изъ траншей увидѣли оживленное движеніе въ лагеряхъ: фургоны и навьюченные верблюды, сбрасывая у первой паралели багажъ, опять спѣшили назадъ; палатки, юломейки и кибитки, быстро исчезая въ прежнемъ лагерѣ, стройной линіею вытягивались вдоль первой паралели. Еще разъ переносился лагерь, и подъ самые выстрѣлы. Очевидная опасность выкупалась уничтоженіемъ большаго интервала между лагеремъ и передовыми войсками; при такомъ положеніи войска болѣе обезнечивались отъ отдѣльныхъ нападеній на переднихъ и на резервъ, такъ какъ лагерь, прикрытый съ фланговъ и фронта траншеями, связывался еще съ работавшею частью отряда нѣсколькими подходами. Малочисленность наша не позволяла даже расширить военную операцію на столько, чтобы отдѣльнымъ отрядомъ противодействовать, или по крайней мѣрѣ безнаказанно наблюдать за песчаными курганами у Мельничной калы и за находившимся тамъ подковообразнымъ укрѣпленіемъ, т. е. за мѣстностью, гдѣ совершенно спокойно собирались текинцы для производства вылазокъ. Все, что могъ сдѣлать генералъ Скобелевъ,—сдѣлалъ: въ Опорной калѣ, какъ наблюдательный постъ за пространствомъ, лежащимъ западѣе крѣпости, велѣлъ поставить одну сотню, а по ночамъ держать разъѣзды между Ольгинскою и Опорною калами и далѣе къ Ставропольскому редуту для обезпеченія тыла. Такими распоряженіями кончался послѣдній день 1880 года.

Погода отличалась своимъ постоянствомъ и ужь дней около одиннадцати, съ маленькимъ колебаніемъ, ясные теплые дни смѣнялись лунными, прохладными ночами, какая раскинулась надъ нами и теперь при проводахъ стараго года.

Новоселье нашего резерва пріятно измѣнило видъ окрестностей: прежняя безграничность пространства, утопавшая въ сѣроватомъ дунномъ свѣтѣ, и глубокая тишина скорѣе вызывали чувство сиротства, чувство заблудившагося въ степи, чѣмъ какое нибудь другое, напоминавшее объ окружающихъ людяхъ: при видѣ же ярко

освѣщенныхъ линій юломеекъ исчезло впечатлѣніе человѣка оторваннаго отъ общества, жизнь кругомъ стала очевиднѣе.

Приказаніе непрерывно тревожить сонъ непріятеля, возлагаемое специально на мортиры, отъ времени до времени прерывало тишину и этой ночи внезапнымъ взрывомъ орудійнаго выстрѣла и еще болѣе громкимъ разрывомъ гранаты. Изрѣдка этотъ двойственный выстрѣлъ обращался въ одинъ ударъ, когда едва слышный гулъ разрыва указывалъ на тотъ страшный визитъ гранаты въ одну изъ блиндированныхъ ямъ, бѣткомъ набитыхъ семействами текинцевъ, послѣ котораго остаются только кровь и истерзанныя тѣла.

Итакъ, мы наканунѣ новаго года.... Скоро полночь.... Для эффекта тишина не нарушалась около получаса.... Не хронометръ, не колоколъ съ церковной башни указали двѣнадцать часовъ, а командиръ батареи штабсъ-капитанъ Ростовцевъ, взглянулъ на свои часы; послышалась команда: «орудія пли!» раздался залпъ изъ шести мортиръ, и высоко взлетѣвшія гранаты, посвистывая и мелькая горящими трубками, снопомъ спустились на спящихъ текинцевъ. Многіе проснулись въ траншеяхъ и лагеряхъ.... «А, восемьдесятъ первый годъ!» бормотали они и снова засыпали для освѣженія силъ передъ ожидавшими ихъ трудами на слѣдующій день.

V.

Внутренній видъ крѣпости Денгли-тепе.—Взаимное обстрѣливаніе крѣпости и лагеря.—Работы и распоряженія получаютъ характеръ подготовительный къ штурму.—Обезпеченіе лагеря отъ обстрѣливанія съ крѣпости.—Два слова о текинско-кавалеріи.—Фальшивая тревога текинцевъ въ крѣпости. Рытье миннаго колодца и приостановленіе работы вслѣдствіе появившейся въ немъ воды. Эскизъ траншейной жизни.—Движеніе траншеею впередъ изъ Охотничьей калы.—Ширванскій редутъ.—Нападеніе текинцевъ ночью 4-го января; прорывъ нашей линіи и бѣгство непріятеля.—Ссоры въ непріятельскомъ лагерѣ.—Фальшивая тревога и пальба въ нашемъ отрядѣ.—Заложеніе миннаго колодца.—Промѣръ охотниками рва и разстоянія до стѣны. Подпоручикъ Херхеулидзе.

Первый день новаго 1881 года ясностью неба не уступалъ прошедшимъ, которые, исчезнувъ, захватили съ собой и восьмидесятый годъ.

Вмѣстѣ съ занятіемъ башни Охотничьей калы, значительно превышавшей стѣны крѣпости, приобрѣталось и средство наблюдать за внутреннею жизнью противника. Много любопытныхъ ежедневно влѣзало на верхнюю площадку ея, чтобы лично приобрѣсти понятіе о внутреннемъ устройствѣ крѣпости и о размѣщеніи сорока-тысячной массы людей.

Дѣйствительно, видъ этотъ представлялъ много новаго и интереснаго: вся внутренняя площадь Денгли-тепе, длиною около $1\frac{1}{4}$, а шириною около $\frac{1}{2}$ версты, то есть около квадратной версты, была густо заставлена кибитками: десятки тысячъ ихъ, сбившись къ стѣнамъ, какъ къ болѣе безопаснымъ мѣстамъ, своими черными войлоками сливались въ одну сплошную, мрачную массу; въ ней трудно было даже замѣтить промежутки; чѣмъ далѣе отъ стѣнъ, тѣмъ кибитки болѣе разступались и, наконецъ, по серединѣ вдоль всей крѣпости открывалась узкая, длинная площадь, кончавшаяся у кургана очень густымъ поселеніемъ.

Но все это наблюдателю представлялось чѣмъ-то безжизненнымъ, какимъ-то безлюднымъ кибиточнымъ городомъ. Впрочемъ и трудно было появляться человѣческой фигурѣ на открытомъ мѣстѣ безъ того, чтобы не сдѣлаться мишенью для конкурсной стрѣльбы охотниковъ, желавшихъ пострѣлять съ вершины башни.

— Вонъ, гляди, братцы, выѣзжаетъ на сѣрой лошади, говоритъ одинъ изъ зоркихъ стрѣлковъ, и прицѣлы устанавливаются всѣми.

— Стой, братцы, говоритъ саратовскій мужикъ, наемный конюхъ Краснаго Креста, но *съ измалытства страсть любившій охоту*,—дай его мнѣ, а вы гляди.

Винтовка замерла въ рукахъ здоровяка; раздался выстрѣлъ—и конный откачнулся, затѣмъ упалъ съ лошади.

— Молодецъ! раздаются голоса.

— Это третій, съ добродушной улыбкой ведетъ счетъ саратонецъ своимъ жертвамъ.

— Гляди, гляди!—слышится опять въ полголоса произносимый призывъ ко вниманію, и всѣ зорко слѣдятъ за текинцемъ, мелькавшимъ между кибитками и сѣшившимъ на помощь упавшему.

— Ну, пусть этотъ будетъ мой, говоритъ молодой солдатикъ, уже наводя винтовку... Гляди!... Хлопнулъ выстрѣлъ—и близъ убитаго всадника силится подняться другой упавшій, но напрасно (¹).

Текинцы отвѣчали намъ тѣмъ же: нашъ лагерь, подвинутый къ стѣнамъ на пятьсотъ шаговъ, представлялъ для нихъ отличную цѣль; лучшіе стрѣлки ихъ, занявъ близъ угла постоянную позицію, съ этого дня до штурма занимались исключительно стрѣльбою по налаткамъ, кибиткамъ, наметамъ Краснаго Креста, по лошадямъ, по людямъ и съ перваго же дня у насъ стали появляться раненые на постели, на коновязи, за стаканомъ чая, въ госпиталѣ и даже въ ровникахъ. Количество раненыхъ и убитыхъ въ лагеряхъ, правда, было очень незначительное, но досягаемость пуль во всѣ мѣста какъ-то томительно дѣйствовала на людей.

Подъ вліяніемъ понятнаго чувства самосохраненія и отданнаго приказанія закипѣло въ лагеряхъ усердное окапываніе.

Съ этого дня, можно сказать, началась подготовка къ предстоящей осадѣ: колоннѣ, отправлявшейся на фуражировку, предписывалось привести побольше хворосту для туровъ и фашинъ, а также бревень—для штурмовыхъ лѣстницъ; интендантство получило приказаніе: мѣшки отъ зерна не отдавать войскамъ, а отсылать въ инженерный складъ.

(¹) Сцена взята съ натуры; свѣтотелемъ ея, 1-го января, былъ авторъ.

Въ приказѣ на 1-е-же января указано было также на новое распределеніе войскъ. Оно не вызывалось какими-нибудь особенно важными обстоятельствами, но изъ нежеланія сдѣлать пропускъ въ рассказѣ упомяну только, что, кромѣ праваго и лѣваго фланговъ, еще введенъ былъ центръ, который составили оставшіяся въ тылу Ольгинская и Правофланговая калы и редутъ № 1-го; послѣдній оставался днемъ пустымъ, на ночь долженъ былъ заниматься баталіономъ; начальникомъ центра былъ назначенъ полковникъ Навродскій. Говоря вообще, войска были распределены слѣдующимъ образомъ: въ вѣдѣніе полковника Куропаткина назначалось 11 ротъ, одна охотничья команда и одна сотня; полковника Козелкова—8 ротъ; полковника Навродскаго—4 роты; въ резервъ было отдѣлено: 16 ротъ, одна охотничья команда, 7 эскадроновъ и 30 орудій.

Стемпѣло. Нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ въ тылу лагеря обратили общее вниманіе; вскорѣ узнали, что разъѣздъ драгунъ, наѣхавъ на четырехъ текинцевъ, выстрѣлилъ по нимъ и затѣмъ, увидѣвъ, что, по уходѣ двухъ, оставшіеся готовятся къ сопротивленію, онъ изрубилъ ихъ на мѣстѣ.

Работы въ траншеяхъ имѣли видъ прочнаго закрѣпленія занятыхъ пунктовъ: на плотинѣ у Охотничьей калы, не смотря на выстрѣлы изъ крѣпости, рубились деревья; свади Великокняжеской обдѣлывался плацдармъ на двѣ роты, а Ставропольскій редутъ усиливался проведеніемъ двухъ траншей.

Повременные выстрѣлы съ разныхъ батарей и въ особенности съ Мортирной продолжали поддерживать бдительность текинцевъ.

Пальба по нашему резерву на первый день не была сильна, хотя изъ четырехъ убитыхъ и двѣнадцати раненыхъ около половины принадлежало войскамъ, занимавшимъ лагерь; тамъ же на коновязи было убито двѣ и ранено три лошади.

Ночью текинцы не измѣняли своему правилу и отвѣчали намъ пальбой только въ исключительныхъ случаяхъ, когда цѣль открывалась имъ ясно; но едва умолкали наши выстрѣлы, только и гремѣвшіе по ночамъ, какъ возстановлялась полная тишина.

Настало наконецъ и для насъ время, когда 2-го января туманъ, въ родѣ такого, какой, застилавъ этимъ утромъ окрестности, былъ желателенъ и полезенъ: пристрѣлявшіеся наканунѣ стрѣлку противника должны были опять открыть пальбу по лагерю, но пѣли не было имъ видно. Подъ прикрытіемъ тумана наши съ

энергією принялись за продолженіе вчера начатыхъ работъ: про-
віантскіе бунты для прикрытія госпиталя и Краснаго Креста въ видѣ
высокой стѣны укладывались съ опасной стороны; то же дѣлалось
вездѣ, гдѣ находились громоздкія, не цѣнныя вещи; палатки и юло-
мойки углублялись въ землю, выкапывались ровики для безопаснаго
отдыха солдатамъ; самыя повозки устанавливались такъ, чтобы могли
хоть отчасти служить прикрытіемъ; все это до того измѣнило фи-
зіономію лагеря, что приходившіе изъ траншей блудили въ немъ
раньше, чѣмъ попадали въ свою часть. Но какъ только подняв-
шійся туманъ открылъ наши работы, пули текинцевъ, хотя рѣдко,
но усиленнѣе вчерашняго начали врваться во всѣ мѣста.

Пальбу въ траншеяхъ мы переставали уже замѣчать, но тѣмъ
не менѣе перестрѣлка своимъ чередомъ, не возбуждая нашего вни-
манія, шла въ траншеяхъ безостановочно.

Часовъ въ одиннадцать дивизіонъ драгунъ, направляясь къ сто-
ронѣ Самурскаго укрѣпленія, неожиданнымъ появленіемъ возбудилъ
общее любопытство, тѣмъ болѣе, что всякій, взглянувъ по направ-
ленію его движенія, видѣлъ, какъ конные текинцы большими тол-
пами выѣзжали изъ-за песчаныхъ кургановъ. Кавалерія противника
и въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, осталась вѣрна себѣ: опять,
примѣрно угрожая колоннѣ, конвоировавшей изъ Самурскаго укрѣп-
ленія казначейство и другія учрежденія, не выдержала энергическаго
наступленія нашей кавалеріи, еще не переходящей даже въ рысь, и
осадила въ пески. Не было случая, чтобы текинская кавалерія, при
всегдашнемъ огромномъ численномъ превосходствѣ, предприняла что
нибудь рѣшительное и хоть бы одно столкновение съ нашими вой-
сками повела такъ, чтобы его можно было назвать сраженіемъ;
только въ реляціонныхъ статьяхъ можно встрѣтить опредѣленіе этой
кавалеріи опасною силою, въ натурѣ же приходилось ее видѣть либо
какъ подспорье къ быстрому передвиженію пѣхоты, либо удивляю-
щею своею недѣляемостью при бѣгствѣ на длинноногихъ, длинно-
шейныхъ, узкихъ рудыхъ, необыкновенно быстрыхъ скакунахъ.

Въ пять часовъ въ пополудни вторичнымъ сюрпризомъ отрядъ былъ
болѣе чѣмъ изумленъ: внутри крѣпости, на сѣверной сторонѣ, раз-
дались тѣ же громкіе крики, которыми сопровождались нападенія;
по волю этому можно было судить, что нѣсколько тысячъ народа
все ближе и ближе подбѣгали къ южному углу, но никто не пока-
зывался ни на стѣнѣ, ни внѣ крѣпости. Въ нашихъ траншеяхъ на
эту минуту приостановились работы, прикрытіе взялось за винтовки,
а артилерія немного участила огонь. При убѣжденіи, что нападеніе

днемъ съ ихъ стороны невозможно, всѣ въ недоумѣніи ждали раз-
вязки, не сводя глазъ съ крѣпостной стѣны. Но вскорѣ крикъ этотъ
также неожиданно кончился, какъ и начался. Весь сыр-боръ за-
горѣлся у нихъ съ того, что одно изъ орудій выбило заклепку въ
какой-то трещинѣ наверху стѣны и, судя по тому, что всѣ голоса
сосредоточились у этого мѣста, можно было съ достовѣрностью пред-
положить, что раскрытію широкой трещины они придали значеніе,
чуть не равносильное началу штурма.

За исчезновеніемъ причины, на нѣсколько минутъ прервавшей
наши занятія, опять все потекло въ рамкѣ обыкновенныхъ нарядовъ
и приказаній, только жизнь въ Охотничьей калѣ измѣнилась на но-
вый ладъ: туда сносились ящики отъ артилерійскихъ снарядовъ,
туры, фашины, хворостъ, бревна, мѣшки и проч.; въ ней съ этого
дня прочно поселяются саперные и инженерные офицеры. Въ этотъ
же вечеръ началась копка колоды, съ котораго предполагалось
вести минную галерею.

Чѣмъ сложнѣе проектировались работы, тѣмъ больше стали
нуждаться въ покровительствѣ почей. Едва стемнѣло, какъ начались
передвиженія и работы въ открытыхъ мѣстахъ: три мортиры были
перенесены съ батареи № 5-го на лѣвый флангъ въ батарею № 2-го;
изъ Охотничьей калы туда же отдѣлены были пять ракетныхъ
станковъ съ 250 ракетами. Полковникъ Куропаткинъ, еще въ про-
шлую ночь пробившій отверстіе лѣвѣе башни въ Охотничьей калѣ,
съ цѣлью скрыть выходъ людей, рубившихъ деревья, теперь этимъ
же самымъ выходомъ скрытно за плотиною собралъ матеріалъ и
приступилъ къ обращенію ея въ сильный валъ. Все это, прикрытое
наружнымъ спокойствіемъ и обыкновеннымъ бомбардированіемъ, не
возбуждало особеннаго вниманія противника и работа не прерывалась
до разсвѣта.

За эти сутки въ лагеряхъ на коновязи убито лошадей пять и
ранено восемь, а изъ десяти раненыхъ человекъ только небольшая
часть была задѣта въ траншеяхъ.

На другой день, 3-го января, облачное утро дозволило осты-
нуть воздуху, а появившееся солнце подогрѣло его до $+8^{\circ}$, затѣмъ
ртуть стала быстро подыматься.

Первая вѣсть, облетѣвшая отрядъ, была неблагоприятна: въ
минномъ колодцѣ появилась вода и работы стали. Этотъ случай за-
нялъ всѣхъ, особенно саперъ, которые хотѣли приступить къ из-
слѣдованію—просачивается ли эта вода по трещинамъ изъ ручья,
протекающаго тутъ же за калою, или она родниковая? Иначе го-

вора, можно ли исправить дѣло отводомъ ручья или нельзя? Генералъ Скобелевъ послѣ доклада объ этомъ и въ некотораго разговора съ подполковникомъ Рутковскимъ и капитаномъ Масловымъ, рѣшилъ бросить начатую работу, двинуться траншеями впередъ, дальше отъ ручья, и тамъ, поближе ко рву, спуститься другимъ колодеземъ.

Въ числѣ приказаній, отдаваемыхъ въ этотъ день генераломъ Скобелевымъ, было и такое, которымъ оформливалось общественное мнѣніе относительно способа встрѣчи ночныхъ нападений противника. «На случай нападенія непріятеля», говорилось въ немъ, «и въ ожиданіи его, части становятся позади траншей и стрѣляютъ стоя, цѣлясь возможно ниже,—пусть непріятель эскалладируетъ траншею. Лучшие стрѣлки и часовые вдоль бруствера траншей. Разумѣется, это пригодно лишь ночью, въ виду отсутствія непріятельскаго огня въ особенности и передъ, и во время нападенія. Люди могутъ спать, закрывшись кошмами».

Къ часамъ двумъ термометръ на солнцѣ показалъ $+22^{\circ}$, и такъ, среди зимы, холодъ, искусственно заставлявшій прыгать утомленныхъ рабочихъ и не дававшій имъ возможности хорошо уснуть, замѣнялся теперь весеннею теплотою, которая указала настоящее состояніе людей: разметавши свои утомленные члены, солдаты, какъ-то неловко приткнувшись къ траншейной насыпи, сплошною линією спали крѣпко, недвижимо, съ видомъ убитыхъ; страшная толкотня и выстрѣлы надъ головами для нихъ были нечувствительны, а бодрствовавшіе на очереди предавались чисто домашнимъ занятіямъ: одни, сбросивъ шинели, переодѣвали бѣлье, другіе сосредоточенно занимались избіеніемъ враговъ, ближе рубашки прилегающихъ къ тѣлу; часть ихъ грѣла воду для чайка, дѣлилась сухарями, и все это дѣлалось, какъ будто ихъ не толкали проносимыми турами, фашинами, патровными ящиками и плечами носильщиковъ, какъ будто не къ нимъ относились крики: «посторонись, дай дорогу!»

Рѣшеніе генерала Скобелева двигаться траншеями впередъ должно было приводиться въ исполненіе съ этой ночи; къ вечеру все стихло; командиры батарей праваго фланга были предупреждены относительно того, чтобы быть готовыми и отвѣтить огнемъ, когда работы наши будутъ открыты противникомъ; въ пѣхотѣ сдѣланъ расчетъ и, подъ покровомъ безлуннаго начала ночи, полковникъ Куропаткинъ пробиваетъ новое отверстіе правѣе башни въ Охотничьей калѣ, траншеей спускается на дно оврага, затѣмъ, сохраняя полную тишину, ведетъ продолжительную работу и, сдѣлавъ къ

полуночи поворота два, подходитъ къ невысокой глиняной стѣнѣ, огораживавшей небольшой квадратъ. Дальнѣйшее движеніе не могло быть произведено скрытно при яркомъ свѣтѣ луны; необходимо было открыто вбѣжать внутрь этого редута, и наши кинулись въ него. Горячая пальба открылась изъ всѣхъ ближайшихъ амбразуръ, вслѣдъ за нею начавшіеся въ крѣпости крики и возгласы слились въ общій шумъ. Въ отвѣтъ на это зашипѣли въ воздухѣ наши снаряды, зашвистѣли въ вышинѣ мортирные гранаты, но общаго гама и пальбы остановить не могли.

Непріятельскіе выстрѣлы заставляли владѣтелей новаго редута, названнаго Ширванскимъ, закапываться съ необыкновенною быстротою. Послѣ часовой перестрѣлки замолкъ грохотъ выстрѣловъ, только мортиры на обоихъ флангахъ настойчиво, измѣняя заряды и направленія, разбрасывали снаряды по всей крѣпости. Потеря дня въ лагеряхъ и траншеяхъ состояла изъ двухъ убитыхъ и пятнадцати раненыхъ; одинъ изъ нихъ былъ прапорщикъ Абадзіевъ—ординарецъ командующаго войсками.

4-го января точно наступало дѣто: еще яснѣе, еще теплѣе, чѣмъ вчера, выкатилось солнышко на ясномъ небѣ и проснувшіеся съ отраднымъ чувствомъ сбросили шубы, которыми кутались сверхъ одѣяла.

Разсвѣтъ объяснилъ текинцамъ, что происходило ночью, когда подъ ногами ихъ ясно обозначился вновь укрѣпленный Ширванскій редутъ. Ихъ должна была встревожить очевидная опасность такого быстрого приближенія противника и то связывавшее ихъ руки соображеніе, которое указывало, чему могли они подвергнуться, кинувшись на уничтоженіе этого выдвинувшагося впередъ укрѣпленія; оно отлично оборонялось ружейнымъ огнемъ съ лѣвофланговыхъ траншей, съ платины, со стѣнъ Охотничьей калы и Туркестанской.

Съ разсвѣта начатая съ крѣпости учащенная стрѣльба, какъ результатъ естественнаго раздраженія противника, продолжалась недолго: часамъ къ восьми онъ убѣдился въ полной бесполезности такого рода дѣйствія по хорошо скрытымъ стрѣлкамъ и прекратилъ ее. День съ каждымъ часомъ становился жарче; вездѣ видѣлась та же жизнь, та же работа чередныхъ и, пользуясь теплотой, то же стараніе, при первомъ случаѣ, порасправить застывшіе члены, привести въ годный видъ безхитростный туалетъ и отдохнуть. Около двухъ часовъ Реомюръ показалъ на солнцѣ $+28^{\circ}$.

Передъ вечеромъ по отряду пронесся слухъ, что непріятель опять выходитъ изъ крѣпости черезъ западную стѣну и скрывается

за песчаными курганами. Вскорѣ полученное начальниками предупрежденіе о томъ же подтвердило дѣйствительность слуховъ.

Текинцы, не владѣя хорошимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, рѣшились, какъ видно, съ цѣлью приравнять свою силу нашей, дѣйствовать исключительно по ночамъ, которыя, укрывая ихъ отъ выстрѣловъ до столкновенія въ рукопашный бой, давали имъ больше шансовъ надѣяться на успѣхъ, какъ численно превосходящей силѣ. Всѣ вѣрили, что нападеніе на насъ будетъ, и вечеромъ стали готовиться къ отпору. Двукратная проба ихъ вылазокъ ознакомила съ системой ихъ дѣйствій и показала, что дорого приходилось платить за слабыя мѣста.

Настала ночь, но ночь не лунная; сквозь мракъ не дальше шестидесяти шаговъ только могъ быть открытъ осторожный противникъ. Сидя за насыпью, чередные стрѣлки чутко наблюдали впереди лежащее мѣсто; стройно-беззвучно стояла въ рядахъ за траншеею первая линія и въ строю же, щетиною высунувъ штыки къ краю траншеи, дремали и спали, прикрывшись войлокомъ, резервы.

Текинцы, конечно, знали, что сборъ ихъ замѣченъ и что ихъ ждутъ теперь и ждали прежде, поэтому и старались разнообразить выборъ пунктовъ для нападеній.

Едва догорѣла заря заходящаго солнца и быстро наступившая темнота скрыла даль, какъ текинцы, сбросивъ, по обыкновенію, халаты и выйдя изъ-за кургановъ и большого подковообразнаго укрѣпленія, собрались близъ него у юго-западной части крѣпости въ сплошную массу, затѣмъ тронулись къ ручью на фронтъ траншеи, соединяющей всѣ лѣвыя оконечности подступовъ. Это дерзкое движеніе на хорошо обороняемую линію начали они почти бѣгомъ, затѣмъ часть ихъ, припавъ къ землѣ, а часть, пригнувшись, съ ятаганами въ рукахъ, начали тихо, безъ шума подвигаться къ цѣли (1).

Между тѣмъ наши сторожевые, не видя и не слыша ничего среди тихой, беззвучной степной ночи, вдругъ были поражены неистовымъ крикомъ; въ первую секунду, не видя врага, казалось, что сама ночная мгла, безъ помощи людей, издала этотъ громкій, широко раскатившійся вопль.... «Рота или!... рота или!...» послышались въ отвѣтъ громкія команды по всей линіи, и загрохотавшіе залпы, замелькавшій смертоносный блескъ ружейныхъ огней,

(1) Въ бесѣдѣ съ текинскими старшинами, собранными однажды въ Асхабадѣ, авторъ, повѣряя нѣкоторые неразъясненные вопросы, вызывалъ и отъ нихъ рассказы о дѣйствіяхъ съ противной стороны въ дни крупныхъ столкновеній.

ракетъ съ башни, ракетъ изъ траншей, встрѣтили текинцевъ уже поздно, въ упоръ, у ручья. Свистъ картечи изъ шести орудій, фланкировавшихъ эту линію съ Ставропольскаго редута, и громъ, поднятый всѣми батареями по крѣпости, заглушали воодушевляющій текинцевъ воинственный крикъ: алла! алла! Не смотря на то, что съ первой секунды почувствовали текинцы приемъ совершенно другаго рода, что нигдѣ одиночная торопливая пальба не указывала на застигнутыхъ врасплохъ, стало быть, и мѣста легчайшаго прорыва, не смотря на сильный огонь, который въ моментъ появленія ихъ застрѣлилъ землю бѣлыми рубашками убитыхъ и раненыхъ, начиная отъ рва фланкирующей батареи до Охотничьей калы, текинцы продолжали дѣлать усилія прорвать нашу линію; наконецъ, сосредоточившимся въ большую массу передъ Мортирною батареею № 2-го и правѣе ея (со стороны нападающихъ) удается осадить 11-ю роту Ставропольскаго полка; но подъ взмахами ихъ ятагановъ рота не бѣжитъ, но при слабомъ свѣтѣ восходящей луны завязываетъ жаркій бой: командиръ роты поручикъ Руновскій и Мортирной батареи штабсъ-капитанъ Ростовцевъ, окруженные текинцами, рубятся, обливаясь кровью изъ своихъ головныхъ ранъ, рубится артиллерійская прислуга и, шагъ за шагомъ, съ боемъ уступаетъ свое мѣсто 11-я рота. Но и положеніе текинцевъ, ворвавшихся въ этотъ узкій промежутокъ, дѣлается невозможнымъ съ появленіемъ изъ резерва молодецкой 10-й роты. Залпъ, другой—и текинцы кидаются назадъ. Много, очень много труповъ прикладываетъ непріятель къ прежнимъ, уже бѣжить онъ по полю, а картечь, пули и ракеты, шипя и извиваясь, словно огненные змѣи, догоняютъ толпы бѣгущихъ. «Одинъ Богъ знаетъ, сколько бѣды надѣлала намъ артилерія въ эту ночь!» сказалъ между прочимъ безмеинскій старшина, рассказывая про это дѣло. Онъ насчитываетъ, что во время этой вылазки они потеряли до 1,500 ранеными и убитыми.

Дѣло этого дня можно считать главной побѣдой, какъ по отличной технической работѣ во время боя, такъ и по послѣдствіямъ.

Какая была цѣль главныхъ участниковъ этого нападенія мервцевъ—ударить на передовую линію нашихъ войскъ—неизвѣстно, только возвращеніе ихъ безъ трофеевъ и большаго количества товарищей было одною изъ побудительныхъ причинъ къ рѣшенію немедленно оставить крѣпость; но и это, какъ видно, не обошлось имъ дешево; если въ Денгли-теле и не раздавались побѣдные крики, за то тамъ не было и спокойствія; съ нашей позиціи слышны были на сѣверной сторонѣ шумъ, похожій на ссору большой толпы народа, и даже

ружейные выстрѣлы, что намекало на большіе раздоры въ лагерѣ противника.

Выдвинувъ ружья изъ бойницъ Ширванскаго редута, стрѣлки наши, притая духъ, вслушивались во все происходящее за стѣною. Всѣ разговоры вблизи и громкіе возгласы вдали отчетливо отдавались въ переднихъ траншеяхъ (1): «Прощай, моя родная земля!» вскрикивалъ женскій голосъ, «здѣсь оставляю я моего убитаго мужа и двухъ сыновей».... «Что вы, какъ свиньи, перекопали землю?» кто-то со злобою обращался къ намъ, «что вы, все прячетесь? Идите-ка сюда—мы вамъ покажемъ».... «Не торопись, землячекъ» шепотомъ отвѣчали солдаты, услышавъ переводъ сказаннаго: «зайдемъ—не радъ будешь».... «Ну, что-жъ надѣлало твое обѣщаніе вырѣзать русскихъ?—раздражительно заговорилъ голосъ за стѣною—«лучшіе люди легли, а успѣха нѣтъ и все это ни къ чему не поведетъ». На это послѣдовалъ короткій отвѣтъ, ускользнувшій отъ переводчика. «А, такъ ты такой храбрый.... пойдика сюда...» закричалъ первый голосъ—«пойди сюда, я тебѣ задамъ!»—Ссора была полная.

Въ теченіе этой ночи саперы двигались параллельными перекидными сапами, которыя къ утру нужно было соединить головною траншеею, а на лѣвомъ флангѣ шла снѣжная уборка равныхъ, которыхъ оказалось 54 нижнихъ чина, штабсъ-капитанъ Ростовцевъ, поручикъ Руновскій и прапорщикъ Лапатинскій. Убитыхъ было немного—прапорщикъ Ходкевичъ и 10 нижнихъ чиновъ. Часть этой убили по прежнему принадлежала войскамъ, занимавшимъ лагерь, гдѣ, кромѣ того, было убито лошадей четыре и ранено 10.

Всѣмъ 65,000 пуль, 600 артилерійскихъ снарядовъ и 42 ракеты было употреблено на поученіе текинцевъ: впередъ не дѣлать нападеній на сплошную линію войскъ.

Неудача непріятеля не осталась безъ послѣдствій: чуть разсѣло, 5-го января, какъ изъ Правофланговой калы замѣтили длинную линію каравановъ, двигавшихся въ пески, а муллы, три дня не призывавшіе на молитву, вслѣдствіе большаго количества убиваемыхъ въ мечети (2) и смерти Керимъ-Верды-Ишама, съ кораномъ

(1) Въ переднихъ траншеяхъ праваго фланга всегда находился переводчикъ, который сообщалъ обо всемъ слышанномъ, а о важномъ доносилъ начальнику фланга.

(2) Кибитка, куда текинцы собирались на молитву, какъ въ мечеть, находилась въ самомъ опасномъ мѣстѣ, а именно: на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣ-

въ рукѣ погибшаго отъ артилерійскаго снаряда на стѣнѣ крѣпости, съ зарею опять стали сзывать правовѣрныхъ въ мечеть.

Въ этотъ день, почти такой же ясный и такой же теплый, какъ два прошедшихъ, пальба противника велась энергичнѣе: не только пули, но и ядра стали перелетать черезъ траншеи въ лагерь; тамъ было не хорошо: жужжаніе снарядовъ и пуль надъ головами людей, предающихся мирнымъ домашнимъ занятіямъ, производили на нихъ худшее впечатлѣніе, чѣмъ если-бы они же дѣйствовали съ винтовками въ рукахъ.

Опять замѣченное скучиваніе текинцевъ скоро стало извѣстно всѣмъ. Частыя ночныя нападенія заставили опять повѣрить въ повтореніе его и послѣ сегоднешняго заката солнца. Всегда рѣшительный и отважный ударъ текинцевъ, обходившійся намъ недешево, неволью напрягалъ нервы ожидавшихъ его. Какъ только съ наступленіемъ темноты войска вытянулись за передними траншеями, вездѣ слышались уже предупрежденія: «Будьте осторожнѣе!—будьте осторожнѣе!» — Сильнѣе вчерашняго солдаты напрягали зрѣніе и высказывали еще большую готовность по первому гикъ противника выпустить пулю безъ замедленія; такая излишняя ажитация, такое настроеніе войскъ, при которомъ оно было болѣе, чѣмъ готово, встрѣтить ожидаемое нападеніе — былъ пересоль, обратное положеніе недосолу передъ нападеніемъ 28-го декабря. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ раздался залпъ и общее тяжелое напряженіе внезапно разряжается: залпъ за залпомъ въ первой линіи вызываютъ усиленный артилерійскій огонь, и гулъ отъ пальбы, какъ вчера, сталъ перекатываться отъ одного края до другаго, огненные полосы ракетъ, снопомъ разбрасываемыя во всѣ стороны, тщетно отыскиваютъ мѣсто, занятое непріателемъ, а текинцы во все это время гикомъ изъ крѣпости словно поджигаютъ насъ усиливать огонь. Но отсутствіе крика ихъ вблизи, разрядка напряженнаго состоянія пальбой до насыщенія, неоправданное ожиданіе увидѣть передъ собою нападающихъ повліяли сами собою на возвращеніе благоразумія и пальба стала быстро утихать; тѣ-же фасы, которые не стрѣляли, еще съ болѣшимъ волненіемъ всматривались въ даль, полагая, что по линіи стрѣльбы кипитъ бой: кабуры у офицеровъ были разстегнуты, ружья держались на изготовку. Едва замолкла пальба въ траншеяхъ, какъ въ тылу, вслѣдъ за ружейнымъ залпомъ, раскатились громкимъ эхомъ и орудійные; всѣ огля-
вы, разрушенной взрывомъ, о чемъ никто не зналъ, поэтому и попадавшіе въ нее снаряды были случайные.

нулись на лагерь—весь задній фасъ его горѣлъ огнями залповъ, а пронзительное гиканіе текинцевъ опять начало вторить нашей пальбѣ. «Неужто нападеніе съ тыла?» спрашивали многіе, всматриваясь и прислушиваясь къ безостановочному гулу выстрѣловъ, но вскорѣ и тамъ утихавшій огонь показалъ, что пальба не была отвѣтомъ на непріятельское нападеніе. Послѣдовательное зараженіе однако не кончилось лагеремъ—изъ редута № 1-го блеснуло нѣсколько залповъ и замерло и, наконецъ, гдѣ-то въ тылу, въ полѣ, звѣздочками сверкали выстрѣлы отдаленнаго секрета.... Но вотъ желанный свѣтъ лунной зари, открывъ передъ всѣми голое, никѣмъ незапятанное пространство, рѣшилъ сомнительный вопросъ. Пальба затихла окончательно и всѣмъ стало какъ будто неловко.

Работы наши уже перестали захватывать широкое пространство, все теперь сосредоточилось въ головной части праваго фланга, гдѣ перекидная сапа тихо, но безостановочно подползала къ стѣнѣ.

Въ эту ночь рѣшено было начать минную галерею; отмѣтили мѣсто, приняли направленіе, оставалось узнать разстояніе отъ крѣпости и измѣрить ровъ; вызвали для этого охотниковъ; сотникъ уральскаго казачьяго войска Кунаковскій и унтеръ-офицеръ туркестанскаго линейнаго баталіона Константиновъ взялись исполнить желаемое и вышли изъ редута. Тихо шли они по принятому направленію, считая шаги; чутко, съ нѣкоторымъ трепетомъ за охотниковъ прислушивались передовые стрѣлки; четверть часа ничто не нарушало совершеннаго спокойствія, но затѣмъ раздался выстрѣлъ, послѣдовали другой, третій—они замѣчены и частая пальба наша явилась охотникамъ, какъ утѣшительница въ опасности. Они вскорѣ возвратились, сдѣлавъ свое дѣло.

Когда все притихло, тотъ же Константиновъ и казакъ уральскаго войска, узнавъ, что необходимо имѣть точный промѣръ, вызвались вторично сдѣлать измѣреніе тесьмою. Предпріятіе кончилось также счастливо. Послѣдній промѣръ и осмотръ рва дали самые утѣшительные результаты:—разстояніе отъ начала минныхъ работъ до рва оказалось 29 сажень и 6 вершковъ, а ровъ—шириной 7 аршинъ, сухой и только 2 аршина глубиной.

Пока производилась экспедиція охотниковъ на правомъ флангѣ, на лѣвомъ вспыхнула самая частая стрѣльба съ юго-западной стороны Денгли-тепе; тамъ тоже открыли нашъ рекогносцировочный отрядъ: сорокъ человекъ 12-й роты самурцевъ, подъ командою поручика Абрапетова, какъ только взошла луна, выступили изъ Опорной капы и приступили къ исполненію приказанія осмотрѣть вне-

реди лежащую мѣстность; постепенно подвигаясь къ крѣпости, они были наконецъ замѣчены зоркими текинцами; подпустивъ на восемьсотъ шаговъ, они открыли частый огонь и команда принуждена была возвратиться въ Опорную.

Въ траншеяхъ, между прочимъ, производились нѣкоторыя передѣлки: около № 3-го батареи строился редутъ на одну роту, внутри которой должна была расположиться ставка командующаго войсками, а батарея № 5-го уширялась для помѣщенія двѣнадцати мортиръ.

Безъ потери не обошелся и этотъ пройденный день, въ теченіе котораго было 4 убитыхъ и 18 раненыхъ; къ послѣднимъ принадлежалъ артилеріи подпоручикъ Херхеулидзе; въ тотъ моментъ, когда, тщетно разыскивая непріятеля ракетнымъ освѣщеніемъ, онъ для лучшаго наблюденія влѣзъ на траншейную насыпь, раздался трескъ отъ удара пули.... «Кто раненъ?» невольно спросили въ траншеѣ. «Я», отвѣтилъ Херхеулидзе, слѣзая съ насыпи, и безъ помощи другихъ отправился перевязывать свою руку съ раздробленною костью. Покойникъ оставилъ по себѣ добрую память.

VI.

Начало работы минной галереи.—Буря и ожидание нападения.—Переговоры об уборке тьмы.—Стрельба изъ мортиръ на новой позиціи.—Брешь-батарея пробуетъ обвалить стѣну.—Охотникъ гардемарины Майеръ пытается подползти къ крѣпостной стѣнѣ.—Отсрочка для штурма съ 10-го на 12-е января.—Крики и ругань текшицевъ по ночамъ.—Одно изъ подслушанныхъ распоряженій заставляетъ предполагать немедленное нападеніе.—Повѣстіе, составленное текшицами о подслушанной ими нашей подземной работѣ.—Диспозиція штурма общая и для артилеріи.—Размѣщеніе войскъ.—Ночь наканунѣ штурма.—Безотвѣтность текшицевъ.—Наша работы.

6-го января сильный вѣтеръ, начавшійся съ зарей, сталъ грозить переменною погоды, такъ какъ онъ продолжалъ усиливаться. Отрядная жизнь текла обычнымъ порядкомъ: рано утромъ три колонны, назначенныя на фуражировку и за хворостомъ, потянулись во всѣ стороны.

При утреннемъ крещенскомъ богослуженіи, залпомъ изъ всѣхъ батарей по Денгли-тепе отсалютовали обряду водосвятія.

Текинцы, съ своей стороны, занявшись, по обыкновенію, пальбою по войскамъ лагеря, продолжали отравлять имъ жизнь какимъ то гнетущимъ чувствомъ. Остановить стрѣлявшихъ сквозь едва замѣтныя косыя амбразуры и имѣвшихъ возможность легко проковырять въ одну минуту новыя не было никакой возможности. Такое настроеніе въ лагеряхъ и утомительный непривычный способъ войны въ тѣсныхъ траншеяхъ были причинами, заставлявшими всѣхъ интересоваться, что дѣлается съ сапными и минными работами; тамъ же, гдѣ сосредоточивался общій нашъ интересъ, работа подвинулась на столько успѣшно, что текинцамъ удавалось добрасывать камни до людей, работавшихъ въ сапахъ. Въ этотъ же день всѣ съ удовольствіемъ выслушивали и передавали другъ другу извѣстіе, что минная галерея уже начата.

Цѣпкій, глинистый грунтъ съ одной стороны, а отсутствіе артилеріи у непріятеля съ другой, давали возможность не обшивать галерею досками. Небольшая овальная нора, съ которой она началась, стала быстро подвигаться въ глубь, и къ вечеру ужъ загудѣлъ

винтиляціонный рукавъ, втянутый въ галерею. Вначалѣ, пока воздухъ былъ свѣжъ, работа въ немъ подвигалась быстро, какъ говорили, по четыре фута въ часъ.

Погода, между тѣмъ, не унималась, вѣтеръ крѣпчалъ и приближался вечеръ, возобновляя въ памяти и воображеніи всѣхъ не только недавнія нападенія текинцевъ, но и то, что они умѣютъ, благодаря своей зоркости, отлично пользоваться темнотою ночи; въ разговорахъ стало проскальзывать вѣроятіе новаго нападенія. Когда же съ закатомъ солнца рванула буря, и пыль, поднятая со дна траншей и съ насыпи, закрутилась въ вихрѣ, то предположеніе о возможности непріятельской вылазки обратилось въ поголовное убѣжденіе, что текинцы не пропустятъ такого удобнаго случая, и опять все стало на чеку.

Среди глубокаго мрака ночи, вдоль передовыхъ траншей, какъ изгородь, едва виднѣлась линія нашихъ войскъ, черезъ которую по минутно проносились высокіе столбы пыли и песку, заноса глаза, забивая ротъ, носъ и обращая человѣка въ одноцвѣтную пыльную фигуру. Опять наступила мертвая тишина, прерываемая только мортирною пальбою и сигналами нашего разъѣзда, заявлявшаго о своихъ.... «Смотрѣть, братцы, смотрѣть.... хорошенько смотрѣть!» слышатся сдержанные, тихіе голоса по всей линіи, и, дѣйствительно, не смотря на боль воспаленныхъ глазъ, солдаты, быстро стирая съ нихъ пыль и слезы, боялись даже на одну секунду ослабить внимательный обзоръ впереди лежащей мѣстности; усилія подмѣтить подкрадывавшагося непріятеля были, можно сказать, выше силъ человѣка, которыя трудно вызвать при другихъ обстоятельствахъ, а постоянно повторяемое «смотри, смотри хорошенько!» подбадривало бороться съ утомленіемъ; наконецъ смотрѣть стало легче: вѣтеръ началъ ослабѣвать, и въ то же время блѣдный свѣтъ, полукругомъ появившійся на востокѣ, какъ предвѣстникъ восхода луны и общаго отдыха, раскрывъ до двухъ сотъ шаговъ чистаго поля, дозволилъ солдатамъ свободно вздохнуть, оставить только часовыхъ, забраться подъ войлокъ и заснуть до перваго призыва въ ружье.

Въ траншеяхъ производились все новыя работы: правѣ Мортирной батареи № 5-го подымали насыпь для четырехъ мѣдныхъ орудій; на лѣвомъ флангѣ у оконечности второй паралели строилась брешь-батарея, тоже на четыре орудія, а оврагъ впереди Охотничьей калы очищался и уширеніемъ дна приспособлялся для постановки двѣнадцати мортиръ, которыя снимались съ мѣста прежняго расположенія.

Въ числѣ пяти раненыхъ въ этотъ день былъ одинъ офицеръ,

поручикъ Зродловскій, убитъ былъ одинъ нижній чинъ, а потеря убитыми и ранеными лошадьми приблизительно не превышала норму—семи.

7-го января снова за ночь простылъ воздухъ и холоднымъ утромъ начался слѣдующій день.

Слухъ о близкомъ днѣ штурма, какъ говорили, черезъ три дня, получалъ все большую и большую достовѣрность, и многіе занялись приведеніемъ своихъ частей въ полную готовность.

Утро и полдень прошли уже среди безцвѣтной обстановки; небольшая пальба не привлекала ничье вниманіе, и офицеры въ ожиданіи ночной службы либо занимались донесеніемъ о выпущенныхъ зарядахъ, либо, лежа на пыльных войлокахъ, мирно разговаривали между собою, какъ были встревожены общимъ своеобразнымъ переполохомъ: солдаты повскакивали на гребень бруствера, гуломъ прошесть обшій громкій говоръ по траншеямъ, среди котораго слышалось громче всего: «ваше благородіе!... ваше высокоблагородіе!... Вонъ сколько вылезло текинцевъ!... Позвольте стрѣлять!... Эхъ, да какъ ловко!»...

— Не стрѣлять, не стрѣлять! слышались также вездѣ отвѣтныя приказанія офицеровъ. Если не стрѣляютъ впереди, значить нельзя.

Дѣйствительно, въ это время весь верхъ крѣпостныхъ стѣнъ покрылся текинцами, вооруженными пиками, ятаганами и изрѣдка винтовками; вотъ эта-то сцена и заставила нашихъ солдатъ прекратить и отдыхъ, и занятія, влѣзть на насыпь и даже выйти за нее. Съ любопытствомъ противники всматривались другъ въ друга, указывая по временамъ пальцами и пересмѣливаясь... «Такъ вотъ вы какіе!... такъ вотъ сколько васъ!» слышались кругомъ замѣчанія.

Слѣдующее обстоятельство вызвало это перемиріе: майоръ Юмудскій, получивъ приказаніе вступить въ переговоры съ текинцами относительно уборки тѣлъ, изъ траншеи сталъ выкликать текинцевъ съ предложеніемъ прекратить огонь и выслать людей для переговоровъ. Съ нѣкоторымъ колебаніемъ текинцы исполнили наше предложеніе. Пальба смолкла; со стѣнъ спустились присланные для переговоровъ и вслѣдъ за этимъ десятки тысячъ головъ, мужскихъ и женскихъ, высунулись изъ-за стѣнъ, а на гребень бруствера влѣзли, должно быть, старшины и, похаживая взадъ и впередъ съ обнаженными ятаганами, запрещали покушаться на стрѣльбу.

Послѣ взаимнаго привѣтствія Юмудскій сообщилъ пришедшимъ для переговоровъ, что, уважая храбрость такихъ молодцовъ, какъ текинцы, командующій войсками дозволяетъ имъ убрать тѣла уби-

тыхъ товарищей⁽¹⁾. Текинцы однако, боясь вѣроломствъ съ нашей стороны, отказались отъ этого предложенія⁽²⁾. Солдаты наши въ это время стаскивали трупы въ одно мѣсто—передъ исходящей передній уголъ лѣво-фланговыхъ траншей. Впрочемъ нѣсколько текинцевъ съ ловкостью горилы сбѣжали со стѣны, кинулись къ нашимъ траншеямъ къ Ставропольскому редуту и, быстро разыскавъ своихъ родственниковъ, даже присыпанныхъ уже землею, взвалили ихъ на плечи и унесли, какъ игрушку.

На другое предложеніе, что русскіе, воюя съ храбрыми воинами, не желаютъ убивать женщинъ и дѣтей, почему и предлагаютъ имъ выслать ихъ изъ крѣпости, они отвѣчали: «наши семейства такъ скрыты, что имъ не вредятъ ваши выстрѣлы, а крѣпость надемся съ помощью аллаха оборонить».

Затѣмъ было сообщено имъ неизвѣстное условіе войны, что если одна изъ воюющихъ сторонъ найдетъ необходимымъ передать что нибудь другой, то для этого должна выкинуть бѣлый флагъ, и когда другая отвѣтитъ имъ тѣмъ же, должна прекратить стрѣльбу и вступить въ переговоры.

Довольные, вѣроятно, гордыми отвѣтами, переговаривавшіеся текинцы повернули въ крѣпость... «По мѣстамъ!... по мѣстамъ!» раздались команды въ траншеяхъ, и мгновенно съ обѣихъ сторонъ все снова исчезло, и текинскій выстрѣлъ, раздавшійся первымъ, не засталъ уже открытой цѣли.

Опять настала безпокойная, но для быстрыхъ работъ необходимая ночь; опять войска отставали въ строю всю темную часть ночи и пристально, не сводя глазъ, всматривались въ даль, утопавшую во мракѣ.

Переноска мортиръ, начатая еще днемъ, продолжалась и въ темнотѣ; часамъ къ десяти въ оврагѣ, передъ Охотничьей калой, работая съ фонарями, были установлены всѣ двѣнадцать мортиръ и окончили брешь-батарею, а правѣе бывшей мортирной № 5-го приведена къ концу построика четырехъ-орудійной батареи.

Минныя и санныя работы шли уснѣшно и давали надежду, что къ 10-му января рукава съ заряженными каморами подойдутъ уже подъ стѣну. Саны, соединенныя въ эту ночь, образовали редутъ, названный Санернымъ; подъ прикрытіемъ его насыпей въ немъ

⁽¹⁾ Майоръ Юмудскій, служащій въ 12-мъ Вязьгородскомъ уланскомъ полку, былъ приглашенъ въ эту экспедицію, какъ юмудъ родомъ, знакомый съ обычаями и языкомъ народа и какъ имѣющій вліяніе на своихъ соотечичей.

⁽²⁾ На эту причину указываютъ всѣ текинцы, съ которыми приходилось разговаривать.

сдѣлано было для лучшаго снабженія минной галереи воздухомъ два вентиляціонныхъ колодца и это много освѣжило силы минеровъ.

Съ разсвѣтомъ 8-го января дрогнули стѣны Охотничьей калы отъ выстрѣловъ мортиръ, помѣстившихся около ихъ основанія, и громко отдался звукъ ихъ между высокими стѣнами внутри калы. Повѣрка направленія вновь поставленныхъ шомполовъ, пригонка зарядовъ и обученіе людей, принятыхъ отъ полевыхъ батарей, для дѣйствія изъ добавочнаго числа мортиръ, требовали практической стрѣльбы, и командовавшей батареею подпоручикъ Чердилели повелъ ее съ большими разстановками, лично переставляя шомпола въ ста шагахъ отъ стрѣлявшаго непріятеля.

Часовъ около одиннадцати, общее вниманіе было занято частою стрѣльбою, открывшеюся изъ вновь устроенной брешь - батареи. Послѣ первыхъ выстрѣловъ узнали, что генераль Скобелевъ производилъ пробу: возможно-ли орудіями сдѣлать такую осынь, которая была бы удобна для безпрепятственнаго всхода на стѣну. Выбравъ для этого часть стѣны лѣвѣе южнаго угла сажень на десять, онъ приказалъ четыремъ орудіямъ брешь-батарей открыть огонь; штабсъ-капитанъ Михайловъ поражалъ указанную цѣль мѣтко и сильно: земля густыми столбами срывалась съ верха стѣны, а отъ ударовъ внизъ глиняная, слошная корка, державшая насыпную внутри землю, стала скоро осовываться, а открывшаяся земля образовывать осынь, хотя съ очень малымъ заложеніемъ. Полчаса стрѣльбы и гребень стѣны былъ опущенъ на столько, что вершины стоявшихъ за ней кибитокъ открылись совершенно.

Когда верхъ стѣны образовалъ значительную сѣдловину, то, не смотря на мѣтко вливавшіеся въ осынь снаряды и разрывы ихъ, которые вмѣстѣ съ осколками раскидывали землю, къ общему изумленію, изъ-за гребня стала вылетать выбрасываемая земля; лопать около двадцати, подъ разрывомъ гранатъ, работали надъ засыпкой осунувшейся части вала, какъ будто не было никакой опасности. Когда брешь-батарея окончила свою удачную пробу, текинцы продолжали работу до вечера.

Много разнаго рода признаковъ и къ этому рекогносцировка пространства передъ Мельничною калою, которую дѣлалъ генераль Скобелевъ съ подполковникомъ Гайдаровымъ, начальникомъ одной изъ штурмовыхъ колоннъ, утвердили всѣхъ въ мнѣніи, что слухъ о предполагаемомъ штурмѣ 10-го января вѣренъ. Артиллеристы, раздѣляя это мнѣніе и сознавая ту серьезную и первостепенную роль, которая должна была выпасть на долю ихъ во время штурма крѣ-

пости, цѣлый день посвятили на пристрѣлку по всѣмъ пунктамъ и приготовились къ блестящему исполненію всѣхъ возможныхъ требованій диспозиціи.

Подъ влияніемъ этихъ слуховъ, еще живѣе пошла жизнь въ траншеяхъ: таскавшіе патронные ящики уже встрѣчались шеренгами человекъ въ двадцать, взадъ и впередъ быстро пробѣгали вѣстовые съ разными приказаніями, часто встрѣчались офицеры, разыскивавшіе разныхъ начальниковъ, и почти вездѣ слышался споръ вслѣдствіе требованія и недостатка рабочихъ; но официального приказанія о штурмѣ еще не было.

Это кипучее движеніе, наконецъ, накрыла ночь.

Всѣ опять принялись за открытыя работы: черезъ траншеи широкими дорогами дѣлались плавные спуски для прохода колоннъ по направленію къ Великокняжеской позиціи и къ артиллерійской брещи; увеличивалась брешь-батарея еще на четыре 9-ти-фунтовыхъ орудія, а сапныя и минныя работы шли своимъ чередомъ.

Еще съ вечера генераль Скобелевъ пожелалъ уничтожить ту работу, какую употребляли текинцы для задѣлки обваленной стѣны, и съ этою цѣлью гардемарину Майеру, вызвавшемуся охотникомъ, приказалъ въ эту же ночь, подкравшись къ стѣнѣ, заложить динамитный патронъ и взрывомъ увеличить осынь.

Когда стало совершенно темно и пальба затихла по всей линіи, гардемаринъ Майеръ съ нѣсколькими моряками и съ прикрытіемъ изъ пятнадцати ашшеронцевъ полъ начальствомъ прапорщика Богуславскаго, часовъ около одиннадцати, направился къ маленькому подковообразному укрѣпленію, безъ препятствій занялъ его и ползкомъ двинулся оканчивать опасную часть своего пути; какъ тихо ни поджрадывались наши къ стѣнамъ, но зоркіе текинцы, благодаря умолкшей пальбѣ, безпрепятственно работавшіе на наружномъ скатѣ обвала, открыли наше движеніе; оставалось только шаговъ сорокъ, но разнесшійся у нихъ говоръ: «будьте осторожныѣ—русскіе идутъ» и быстрый спускъ къ низу всей массы работавшихъ приостановили наше наступленіе. Получивъ отъ начальника штаба инструкцію не вступать въ бой и лишней возможности завязать дѣло по малочисленности прикрытія, гардемаринъ Майеръ съ досадою долженъ былъ отказаться отъ того, чего желалъ самъ и чего ждали въ траншеяхъ.

Извѣстіе, что текинцы чинятъ обвалъ, вызвало пальбу изъ орудій брещь-батарей, не смотря на темноту.

За ночь противникъ успѣлъ уничтожить нашъ вчерашній трудъ: съ разсвѣтомъ 9-го января осыпанная вчера стѣна представилась

намъ въ хорошо исправленномъ видѣ: гребень осыпанной части былъ поднять до прежней высоты, да и осунувшаяся часть пополнена подсыпкой земли.

Узнавъ, что къ завтрашнему дню минныя работы не могли быть доведены до конца, генераль Скобелевъ хотя и былъ очень недоволенъ, но заявилъ, что откладываетъ штурмъ до двѣнадцатаго числа, и что если въ ночь съ одинадцатаго на двѣнадцатое минныя работы не будутъ окончены, то онъ, во всякомъ случаѣ, штурмуетъ Денгли-тепе, выдвинувшись изъ-за сапныхъ работъ и ворвавшись черезъ осыпь, подготовленную артилеріею.

Впрочемъ эта отсрочка была даже полезна: двадцать восемь дальнбойныхъ орудій почти не дѣйствовали во все время осады за недостаткомъ снарядовъ, но въ этотъ день прибыло второе отдѣленіе 45-го дивизионнаго летучаго парка и вся стальная артилерія получила равноправность съ мѣдною.

Съ этого дня опять настала лѣтняя теплота, доставившая пріятный отдыхъ остывшимъ за прошлые дни.

Общее опасеніе, чтобы текинцы, собираясь за стѣною въ томъ мѣстѣ, къ которому мы подходили подъ землю, не узнали о нашихъ работахъ, отразилось и на характерѣ стрѣльбы: подпоручикъ Чердилели въ продолженіе всей ночи занимался больше перебрасываніемъ гранатъ изъ своихъ мортиръ за стѣну, обреченную на разрушеніе взрывомъ. Не обходилось безъ того, чтобы вверхъ летѣвшіе осколки отъ близко падавшихъ гранатъ не перелетали и къ намъ, но на это не обращали вниманія и бомбардированіе продолжалось.

Раздраженіе текинцевъ во время послѣднихъ дней осады иногда выражалось самымъ комичнымъ передразниваніемъ и руганью, которой они неизвѣстно когда научились; особенно сердили ихъ мортиры. «Что вы бросаете эти кошки?... Эти проклятыя кошки!» кричали они, когда надъ головами ихъ посвистывалъ неприятный гостинель.... «Рота пли!» вдругъ раздавалась у нихъ по русски и т. п.

Въ эту ночь сапныя работы были остановлены, а минныя तोпились исполнить новую задачу.

9-го января мы потеряли одного убитымъ и четырнадцать ранеными, между которыми опять былъ офицеръ—лейтенантъ Шеманъ.

Теплое и облачное утро 10-го января быстро перешло въ жаркій день. Довольно горячая перестрѣлка, начавшаяся съ разсвѣтомъ, къ десяти часамъ стала притихать. Текинцы особенно усердно стрѣляли изъ своего орудія, но замѣчательно неудачная стрѣльба ихъ изъ пушки, во всю экспедицію до штурма не задѣвшая ни

одного человѣка, нисколько не смущала ихъ и они продолжали выпускать послѣдній запасъ ядеръ.

Что же касается до землекопныхъ и другихъ работъ, которыя и составляли самую энергическую часть нашей дѣятельности, то онѣ были копіями той же хлопотни, которая кипѣла и въ прошлые дни; только въ Охотничьей калѣ, въ томъ углу, который занимали саперные офицеры, шли занятія, знаменующія финалъ осады: перебирались открытыя шкатулки, чистились мѣдныя пластинки и снова собирались въ вольтовы столбы—подготавливались приборы для взрывовъ.

Такимъ образомъ опять дожили до ночи, среди которой въ головныхъ траншеяхъ заговорили вдругъ о немедленномъ нападеніи непріятеля, когда переводчикъ сталъ переводить: «сбирайтесь скорѣй!... не бойтесь.... Богъ намъ поможетъ перебить русскихъ.... На каждые десять стрѣлковъ становитесь по семисотъ человѣкъ.... Скорѣй.... скорѣй!» Но, прислушиваясь долѣе, выяснилось, что характеръ этихъ приказаній касался болѣе до подготовленія къ оборонѣ, чѣмъ до сбора войскъ для вылазки, и имѣлъ цѣлью скорѣе запугать, чѣмъ подготовить что нибудь серьезное.

Кстати сказать, что текинцы отлично слышали нашу подземную стукотню и полагали, что русскіе хотятъ скрытно войти въ крѣпость подземнымъ ходомъ. Въ этомъ предположеніи они утвердились на столько, что съ цѣлью подстеречь этотъ моментъ и поочередно снимать головы всѣмъ входящимъ была собрана большая партія молодцовъ, исключительно съ холоднымъ оружіемъ. Эти бѣдняги, помѣстившись на мѣстѣ будущаго взрыва, впоследствии погибли.

11-го января, едва на дворѣ можно было разбирать предметы, какъ, по обыкновенію, всѣ уже проснулись. Опять, казалось, кончились теплые дни; порывистый вѣтеръ снова быстро несъ пыль и облака, таинственно скрывая, какая погода унаслѣдуетъ ему, а хорошая погода теперь намъ была очень нужна—завтра штурмъ.

День этотъ былъ посвященъ на послѣднія совѣщанія, на послѣднія распоряженія. Генераль Скобелевъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ командировъ батарей для слушанія диспозиціи.

Пока колонные начальники составляли свои распоряженія и на основаніи диспозиціи указывали роли болѣе сильнымъ частямъ, часовъ около одинадцати артиллеристы сгруппировались около ставки командующаго войсками. Вскорѣ вышелъ генераль, пригласилъ ихъ въ кибитку, усадилъ вокругъ стола и вотъ какъ выяснилъ цѣль сбора. «Господа! сказалъ онъ, завтра потребуется много

работы, съ удачнымъ дѣйствіемъ артилеріи мы можемъ ожидать большаго успѣха». Затѣмъ предложилъ прочитать диспозицію, составленную такъ же просто, какъ составлялись, имъ всѣ прежнія. Вотъ ея содержаніе:

«Завтра, 12-го января, имѣетъ быть взятъ штурмомъ главный валъ непріятельской крѣпости у юго-восточнаго угла», — такъ началась наша програма на завтрашній день; затѣмъ указывалось на распредѣленіе войскъ по траншеямъ и назначеніе каждой изъ штурмующихъ колоннъ, которыя послѣ взрыва Великокняжеской мины должны были дѣйствовать, въ общихъ чертахъ, такимъ образомъ:

Колонна полковника Куропаткина, состоявшая изъ 11^{1/2} ротъ, команды охотниковъ, четырехъ горныхъ орудій, двухъ картечницъ, двухъ ракетныхъ станковъ и одного гелиографнаго, овладѣваетъ валомъ и, распространяясь влѣво, по стѣнѣ, соединяется съ колонною полковника Козелкова.

Колонна полковника Козелкова, состоявшая изъ 8^{1/4} ротъ, одной охотничьей команды и моряковъ, команды рабочихъ, двухъ горныхъ орудій, одной картечницы, двухъ ракетныхъ станковъ и одного гелиографнаго, послѣ взрыва выходитъ изъ-за лѣваго фланга третьей паралели и овладѣваетъ артилерійскою брешью, прочно на ней укрѣпляется и затѣмъ, распространяясь вправо по стѣнѣ, соединяется съ колонною Куропаткина, а налѣво — съ колонною подполковника Гайдарова.

Колонна подполковника Гайдарова, состоявшая изъ 4^{1/2} ротъ, команды охотниковъ и рабочихъ, 1^{1/2} сотни спѣшенныхъ казаковъ, взвода дальнобойныхъ орудій, одной картечницы, конногорнаго взвода, пяти ракетныхъ и одного гелиографнаго станковъ, въ три часа утра подвигается къ Опорной калѣ; съ разсвѣтомъ наступаетъ къ Мельничной калѣ, овладѣваетъ ею, затѣмъ обстрѣливаетъ внутренность укрѣпленія и, сообразуясь съ общимъ успѣхомъ, наступаетъ на главный валъ.

О ходѣ и характерѣ дѣйствій артилеріи въ періодъ штурма въ диспозиціи сказано не было, но теперь передъ обществомъ артилеристовъ генералъ Скобелевъ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ обрисовалъ главные фазы предстоящаго обстрѣливанія крѣпости: какъ только колонна подполковника Гайдарова начнетъ наступленіе, брешь-батарея открываетъ огонь для разбитія той части стѣны, которая была уже осмiana; за полчаса до взрыва артилерія по сигналу начинаетъ усиленное бомбардированіе, афилируя южную и восточную стѣны и закидывая гранатами мортиръ мертвый между ними.

уголь; затѣмъ послѣдуетъ взрывъ; выждавъ послѣ него нѣсколько секундъ, артилерія даетъ еще залпъ по прежнему направленію и потомъ, измѣнивъ его, открываетъ частый, неумолкаемый огонь по сѣверной сторонѣ и кургану. Въ принципѣ планъ этотъ признанъ былъ хорошимъ и не вызвалъ замѣчаній артилеристовъ.

Въ этотъ день, казалось, не было человѣка, который бы хотъ на четверть часа могъ сложить руки безъ дѣла; срокъ для подготовки штурма былъ не великъ — всего одинъ день; въ теченіе его нужно было окончить складъ патроновъ въ траншеяхъ, артилеріи дополучить боевые заряды и всѣ эти тяжести стащить людьми, сдѣлать общее передвиженіе войскъ для занятія мѣстъ, указанныхъ въ диспозиціи, привести къ концу всѣ детальныя распоряженія и доработать приспособленія къ удобному дѣйствію войскъ.

Напрасно противникъ усиливалъ стрѣльбу не только изъ ружей, но и изъ пушки, напрасно демонстрировалъ занятіемъ съ неизвѣстною цѣлью своего контръ-апрошнаго, подковообразнаго укрѣпленія передъ лѣвымъ флангомъ, — на это ужъ не обращала вниманія наша пѣхота. Назначенные занимать Ольгинскую, Правофланговую и Опорную калы, а также редуты № 1-го, № 2-го и батарею № 5-го, около полудня уже размѣщались въ указанныхъ пунктахъ, причемъ въ Правофланговую было поставлено два 9-ти-фунт. орудія подъ начальствомъ штабсъ-капитана Балусева, въ редутъ № 2-го два дальнобойныхъ легкихъ, подъ начальствомъ поручика Соколовскаго, и въ Опорной два 4-хъ-фунт. орудія, подъ начальствомъ прапорщика графа Хризосъ-Камо. Такимъ расположеніемъ обезпечивались до нѣкоторой степени фланги и тылъ, а лагерь, долженствующій опустѣть, поручался полковнику Арцишевскому, въ распоряженіе котораго должны были поступить всѣ нестроевые и деньщики, на этотъ случай вооруженные. Всѣ же, назначенные въ составъ штурмующихъ колоннъ, безконечными линіями въ одного человѣка тянулись по всѣмъ извилинамъ траншей; къ нимъ присоединились еще 3-й баталіонъ Аншеронскаго полка, 1-я и 2-я роты Дагестанскаго и 3-й баталіонъ Самурскаго, взятые изъ резерва для ночныхъ работъ; только остальные части резерва полковника Навродскаго и колонна подполковника Гайдарова должны были занять свои мѣста къ разсвѣту слѣдующаго дня.

Наружный видъ нашихъ траншей, прикрытыхъ со стороны крѣпости насыпями, не выдававшими непріятелю повсемѣстной хлопоты, былъ прескнпый, покойный; только частая орудійная пальба,

не умолкавшая въ теченіе дня, вечера и большей части ночи, могла послужить противнику намекомъ на что-то зловѣщее.

Вечеръ былъ близокъ; гулъ отъ выстрѣловъ нашихъ орудій не ослабѣвалъ; текинцы же, наоборотъ, почти совершенно прекратили огонь.

Тяжелыя, черныя тучи заслонили все небо и ночь наступила по крайней мѣрѣ часамъ раньше. Холодный вѣтеръ и дождь, провизывающій, осенній, сошлись съ непрогляднымъ мракомъ—не видна была рука, поднесенная къ глазамъ; за то эффектно прорѣзалась эта мгла блескомъ частыхъ выстрѣловъ, сверкавшихъ какъ зарница.

Мысль о возможности нечаяннаго нападенія въ такую погоду заставила освѣщать окрестность и быстро проходящимъ свѣтомъ ракетныхъ хвостовъ, пускаемыхъ за крѣпостную стѣну, и гелиографными фонарями, съ ослѣпительною яркостью освѣщавшими стѣну и поле шаговъ на триста; не скрывая свѣта, они иногда минуты по двѣ выстаивали подъ выстрѣлами изъ крѣпости.

Но въ самой крѣпости было такъ тихо, что, казалось, она обезлюдилась; спать текинцы не могли: громъ выстрѣловъ, въ особенности въ началѣ ночи, не былъ похожъ на усыпительную болтовню, а трескъ отъ разрыва гранатъ на всемъ пространствѣ крѣпости и шипѣніе огненныхъ ракетъ тоже не принадлежали къ средствамъ, успокаивающимъ нервы; допустить, что текинцы ушли къ сѣверной сторонѣ, имѣлось еще менѣе основанія, а между тѣмъ молчаніе крѣпости изумляло насъ. Отчасти эта безотвѣтность противника, отчасти утомленіе повліяли на ослабленіе и нашего огня.

Къ полуночи все стихло и у насъ, и лишь въкоторыя части войскъ трудились надъ работами въ разныхъ концахъ трапшейныхъ лабиринтовъ: горныя орудія, стоявшія въ каллахъ Великокняжеской позиціи, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, не могли бы принять участія въ завтрашнемъ бомбардированіи, а потому, по предложенію завѣдывавшаго артилеріею праваго фланга, штабсъ-капитанъ Грекъ и поручикъ Тамкѣевъ цѣлую ночь, лично руководя своими артиллеристами, устраивали на вѣтви у Охотничьей калы батарею на четыре орудія и одну картечницу. Въ Саперномъ редутѣ слышалось неумолкаемое гудѣніе вентилятора; онъ въ это время гналъ струю воздуха къ рабочимъ, заколачивавшимъ минныя каморы, а наружная жизнь проявлялась тамъ только тѣмъ, что изъ минной галереи выскакивали облитые потомъ динеры, чтобы послѣ духоты отдышаться на чистомъ воздухѣ и снова нырнуть въ подземелье. Въ Охотничьей калѣ, среди царства сонныхъ, привѣтливо мелькавшіе огоньки въ саперныхъ юлмейкахъ

и по временамъ доносившіяся оттуда разговоръ офицеровъ, перемежаясь съ веселымъ смѣхомъ, указывали на успѣшное заканчиваніе подземныхъ работъ.

Въ это время, выйдя изъ траншеи лѣваго фланга, команда охотниковъ тихо подползала къ подковкѣ; подпоручикъ желѣзнодорожнаго баталіона Остолоповъ и гардемарины Майеръ, взявшись взрывами усилить осыпь исправленной текинцами стѣны, около часа по полуночи начали свое предпріятіе съ горстью моряковъ и подъ прикрытіемъ 13-й роты апшеронцевъ. Дойдя до укрѣпленія, очищеннаго непріателемъ, часть ихъ засѣла въ немъ, а охотники съ остальными людьми продолжали подкрадываться къ стѣнамъ Деугли-тепе. Недовѣріе къ отсутствію всякаго признака жизни со стороны противника поддерживала и въ нихъ осторожность, но, съ другой стороны, не встрѣчая препятствій, они скоро спустились въ ровъ, начали подкапываться подъ осыпь, заложили и зажгли патроны. Раздался два негромкихъ взрыва и «ура», радостно загремѣвшее въ отвѣтъ на удачу, громче взрывовъ далеко разнеслось отъ лѣваго фланга. «Опять нападеніе!»... сквозь сонъ произносили разбуженные, схватывая свои ружья, и, только успокаиваемые рассказами часовыхъ о взрывѣ, снова подползали подъ войлокъ; но не остановленный пикѣтъ подпоручикъ Чердилели съ чрезвычайною быстротою очутился около мортиръ и изъ всѣхъ двѣнадцати открылъ самую учащенную пальбу.

Текинцы не отвѣтили ничѣмъ на взрывы, которые приняли, вѣроятно, за орудійные выстрѣлы, изрѣдка раздававшіеся съ батарей. Они не имѣли даже часовыхъ на верху стѣнъ и только кое-гдѣ заявляли о своемъ существованіи отдѣльными выстрѣлами, точно заманивали насъ попробовать сдѣлать нападеніе.

Въ эту ночь успѣли приготовить ровики для артилерійской прислуги въ видѣ продолженія батарей у Ставропольскаго редута, такъ какъ въ одинъ рядъ должны были стать четыре орудія 1-й батарейной батареей 21-й бригады, шесть орудій 3-й легкой батареей 19-й бригады и восемь орудій 4-й легкой батареей 20-й бригады. Вскорѣ за почнымъ взрывомъ колонна подполковника Гайдарова, усиленная всею 4-ю легкой батареею 19-й бригады, была уже на ногахъ. Среди совершенной темноты она начала стягиваться въ Опорную калу и передъ разсвѣтомъ была готова къ наступленію.

УП.

Дѣйствія артилеріи передъ штурмомъ.—Дѣйствія колонны подполковника Гайдарова. — Бомбардированіе.—Взрывъ мины.—Впечатлѣніе, произведенное ею на обѣ стороны воюющихъ.—Первый моментъ послѣ взрыва.—Эскалада: дѣйствіе колоннъ праваго и лѣваго фланговъ и 3-го баталіона самурцевъ.—Занятіе вала пѣхотою. — Появленіе на западной стѣнѣ колонны подполковника Гайдарова.—Описаніе устройства крѣпостной стѣны.—Занятіе стѣны артилеріею. — Спускъ войскъ во внутренность крѣпости — Движеніе къ кургану. — Занятіе его. — Овладѣніе внутреннею калою.—Преслѣдованіе.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, 12-го января, какъ за раздавшимися выстрѣлами у Опорной калы, въ траншеяхъ обонхъ фланговъ, всѣ наши батареи начали перекликаться. Рѣдкая орудійная пальба, усиливаясь постепенно, стала присоединяться къ выстрѣламъ 4-й легкой батареи 19-й артилерійской бригады, которая еще до зори, будучи развернутою передъ Опорною калою въ головѣ колонны подполковника Гайдарова, своими первыми выстрѣлами начала славный предстоящій бой.

Въ началѣ слабый свѣтъ еще не позволялъ биноклямъ отчетливо разбирать очертанія предметовъ въ окрестностяхъ Мельничной калы. куда направлялся огонь батарей; но когда взошедшая яркая заря дала возможность различать предметы, то батарея взялась въ передки, выдвинулась вмѣстѣ со всею колонною сажень на полтора и съ этой второй позиціи занялась по указанію начальника колонны пробиваніемъ входа въ калу для пѣхоты. Съ третьимъ выстрѣломъ задача была рѣшена; когда же съ четвертаго и пятаго выстрѣловъ западный фасъ обвалился совершенно, то подполковникъ Гайдаровъ просилъ приостановить разбиваніе калы изъ опасенія лишить пѣхоту прикрытія. Оставалось теперь занять Мельничную калу.

Къ этому времени орудійная пальба по всей нашей линіи достаточно оживилась: брешь батарея изъ всѣхъ орудій принялась за уничтоженіе работы текинцевъ по починкѣ стѣны, разбитой еще 8 го

января.... Уже вершина стѣны обнажалась и, вслѣдъ за начавшей осыпаться землей, съ гребня ея стали взлетать обрывки войлоковъ, которыми непріятель связалъ обваленный верхъ своего вала, а изъ остальныхъ батарей началась пристрѣлка по крѣпости, какъ говорится на чистоту.

Между тѣмъ полевое дѣло подполковника Гайдарова разгоралось жарче и становилось серьезнѣе: стройно, подъ музыку, колонна его приближалась къ Мельничной калѣ для овладѣнія послѣдней позиціей: линія пѣхоты со спѣшенными казаками и конно-горнымъ взводомъ на лѣвомъ флангѣ, прикрывшигъ цѣпью, не измѣняя ноги и равненія, вступила въ районъ сильнаго обстрѣла. На встрѣчу имъ, но внутренней сторонѣ западной стѣны крѣпости, бѣгомъ, большими толпами спѣшили текинцы, и вскорѣ частый градъ ружейныхъ пуль посыпался съ траверса, съ укрѣпленія, выдвинутаго передъ траверсъ, изъ-за песчаныхъ кургановъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Приблизившись къ плотинѣ, цѣпь бѣгомъ захватила ее и залегла, затѣмъ рота за ротой стали заходить за стѣны калы; вслѣдъ за пѣхой, еще торжественнѣе, выдержанной рысцою, выражавшей полное спокойствіе, вытхала 4-я батарея 19-й бригады съ посаженною прислугою. Осыпаемая пулями, она съ уставною акуратностью снялась съ передковъ, и клубъ дыма надъ головами текинцевъ, торчавшими изъ подковообразнаго укрѣпленія, заставилъ ихъ мгновенно исчезнуть, чтобы укрыться отъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ.

Безъ промаха шрапнель за шрапнелью послала батарея въ отвѣтъ на сильный перекрестный ружейный огонь; съ замѣчательно мѣткостью ракеты капитана Сергѣева спускались въ укрѣпленіе передъ траверсомъ; но трескотня ружей не уменьшалась: частый огонь нашей пѣхоты изъ-за платины и изъ калы старался всѣми силами ослабить огонь противника, но текинцы до самаго бомбардированія не отвязывались отъ такой приманки, какъ открыто стоявшая артилерія всего въ трехъ стахъ саженьяхъ: весь огонь ихъ былъ направленъ на нее. Четыре часа стояла батарея подъ такимъ перекрестнымъ огнемъ, какой рѣдко испытывался артилеріею даже въ регулярныхъ войнахъ, а во время текинской экспедиціи не встрѣчалось, конечно, ничего подобнаго; но ни этотъ огонь, ни минутное громкое шлепанье и свистъ пуль не возмущали прѣжняго торжественнаго спокойствія, сохраняемаго офицерами и солдатами.

Но вотъ огонь нашей пѣхоты становится рѣже; чуткіе и подъ

огнемъ спокойные текинцы отгадываютъ причину; отважнѣйшіе изъ нихъ уже хотятъ воспользоваться недостаткомъ у насъ патроновъ, вскакиваютъ и, махая ятаганами, сзываютъ другихъ для рукопашнаго боя; уже сбѣгается порядочная толпа, и горсть нашей пѣхоты съ неприятнымъ чувствомъ ждетъ возможную схватку съ тучами неприятеля, скрывавшагося за стѣнами.... но громко треснулъ разрывъ шрапнели надъ головами смѣльчаковъ, и вся толпа опять прынула въ траншею.... еще шрапнель.... еще... и безслѣдно исчезаютъ приготовления къ нападению. Рѣдкая пальба пѣхоты снова соблазняетъ текинцевъ попытаться счастье: тотъ же призывной крикъ начинается раздаваться въ другомъ мѣстѣ.... артилерія дѣлаетъ небольшую выдержку, необходимую для новой установки трубки, и нѣсколько шрапнелей вторично охлаждають порывъ неприятеля. Благодаря артилеріи, текинцы пропустили невозвратимый моментъ: патроны подвезены, и снова напахи текинцевъ стали выскакивать на мгновение и быстро исчезать послѣ сдѣланнаго выстрѣла.

Началось бомбардированіе: всѣ семьдесятъ два орудія слили свой громъ съ громомъ рвущихся снарядовъ, съ залпами пѣхоты, шипѣніемъ ракетъ и рѣзкимъ хлопаньемъ картечицъ. Заметались текинцы на южной и восточной стѣнахъ, съ которыхъ непрерывно брызгами взметаема пылъ наглядно показывала, что отъ разрывовъ гранатъ дѣваться некуда. Всѣ немѣвшіе вѣрнато углубленнаго прикрытія кинулись въ блиндированныя ямы, а часть, выйдя изъ сѣверныхъ воротъ, стала размѣщаться по наружному рву восточной стѣны, какъ видно—съ цѣлью кинуться въ случаѣ штурма на флангъ колоннъ, долженствующихъ наступать отъ великокняжеской позиціи; но тѣ изъ текинцевъ, которые засѣли скрытно за своими бойницами, безъ промаха посылали пули всѣмъ показывавшимся изъ за насыпи. Такъ, за нѣсколько минутъ до штурма, поплатились замѣчательно храбрые офицеры: убитый артиллеристъ, штабсъ-капитанъ Грекъ и раненый подполковникъ Ципринскій. Среди густыхъ облаковъ дыма, глаза противника хорошо отличали офицеровъ даже по краю фуражки и большую часть оплошныхъ посылали изъ строя либо въ могилу, либо на перевязку.

Скоро полчаса, какъ продолжается бомбардированіе; ужь около получаса войска напряженно ожидаютъ той минуты, къ которой торопились приблизиться, не щадя силъ, и въ то же время съ видимымъ спокойствіемъ, безмолвно стоятъ прислонившись къ насыпи.... Вдругъ всѣ всгренулись: въ Опорной калѣ внезапно пробуждается какая то тревожная дѣятельность, всѣ о чемъ

то заговорили, нѣкоторые офицеры куда то побѣжали, и заколыхалась масса солдатъ, биткомъ наполнявшая внутренность калы; вскорѣ послышались восклицанія: «смирно»!.. «приготовьтесь»!.. «слѣзайте съ башни, сейчасъ будетъ взрывъ»!... И, вотъ, ожидаемая минута настала: колыхнулась земля и вмѣстѣ съ глухимъ гуломъ высоко взвился широкій, сѣрый столбъ земли, испещренный какими-то свѣтлыми и темными пятнами. Ящики, мѣшки, фашины и туры, вѣпчавшія насыпь передовыхъ траншей, осунулись и попадали. Взрывъ былъ эффектенъ: столбы земли, сливаясь въ одну тучу, заслонившую яркіе лучи солнца, казалось, долго простояли на одной высотѣ, но въ ближайшихъ ко рву траншеяхъ не смѣли имъ любоваться: куски глины безпощаднымъ дождемъ колотили всѣхъ вблизи стоявшихъ, которые, прижимаясь къ насыпи, прикрывали головы, чѣмъ только возможно.... За первой секундой послѣ взрыва, паденіе земляныхъ глыбъ усилилось, и затѣмъ вся масса рухнула на низъ, похоронивъ подъ собою защитниковъ, стоявшихъ за роковою частью вала.

На эти нѣсколько секундъ притихла канонада; глаза всѣхъ, стоявшихъ внѣ опасности, впились въ это грозное явленіе, которое замѣтно подѣйствовало на текинцевъ: потрясенные передъ этимъ страннымъ артилерійскимъ огнемъ, при видѣ незнакомаго грознаго явленія, они какъ будто потеряли вѣру въ свою силу и, искушаемые безпрятственнмъ пока выходомъ въ песокъ, большими массами стали покидать крѣпость; только въ южной части ея, наоборотъ, взрывомъ прерванна стрѣльба снова раздалась сквозь дымчатые клубы пыли не освѣвшей еще земли.

Но для нашихъ солдатъ взрывъ былъ желаннымъ сигналомъ: имъ заканчивалась утомительная траншейная служба, имъ вызывались они теперь на болѣе опасный, но любимый бой, стѣна на стѣну.

За секундной паузой послѣ взрыва, прежній грохотъ орудій, крикъ ура, пронесшійся вдоль фронта нашихъ траншей, и штурмовые марши четырехъ хоровъ музыки слились въ кровавой драмѣ, и вмѣстѣ съ этимъ со всѣхъ сторонъ быстро выдвинулись изъ земли штурмующія колонны и направились къ обонмъ обваламъ въ крѣпостныхъ стѣнахъ.

Изъ переднихъ траншей передъ великокняжеской позиціей, шагахъ въ восьмидесяти отъ рва, быстро вынырнула первая линия штурмовой колонны изъ 9-й и 10-й ротъ 3-го ширванскаго баталіона, имѣя на правомъ флангѣ охотниковъ подпоручика Воропанова; за нею показалась вторая линия изъ 11-й роты и команды саперъ. Но

едва они тронулись впередъ, какъ раздался залпъ съ крѣпостной стѣны, и въ густой массѣ наступающихъ оказалось сорокъ шесть интерваловъ. «Сомкнись!» слышится команда и затѣмъ съ крикомъ ура роты точно нырнули въ углубленіи, сдѣланномъ взрывомъ, и затѣмъ безпрепятственно взлетѣли на гребень обвала. Съ этого мѣста 10-я рота повернула огонь въ тылъ обороняющимъ южный уголъ, 9-я кинулась вдоль по стѣнѣ на соединеніе съ колонною полковника Козелкова, а охотники—по стѣнѣ направо.

Одновременно съ этимъ, на лѣвомъ флангѣ, раздавшійся вслѣдъ за взрывомъ боевой нашъ крикъ мгновенно выдвинулъ приготовленныхъ къ штурму охотниковъ 4-го апшеронскаго баталіона; здѣсь не приходилось выжидать, пока уляжется взорванная земля; бѣгомъ съ мѣста рванулся и весь четвертый баталіонъ, сопутствуемый картечицей поручика Карпова, ракетами подпоручика Юренева, 11-й ротой Ставропольскаго полка и командою саперъ. Густой массой кинулись всѣ къ двумъ мостамъ на встрѣчу частой и мѣткой пальбы, особенно сильно поражавшей при переходѣ черезъ ручей.... Но вотъ голова колонны уже за ручьемъ, повернула къ артиллерійской бреші, уже недалеко стѣна, но по мѣрѣ приближенія пальба непріятеля учащалась, и жертвы стали гуще покрывать землю; между нами упалъ шедшій впереди колонны полковникъ графъ Орловъ-Денисовъ, пораженный двумя пулями; вблизи видѣлся съ лицомъ, залитымъ кровью, гардемаринъ Майеръ, бѣжавшій впереди съ охотниками. Когда же ура наше сильнѣе пронеслось у подножія обвала, остервененіе оборонявшагося, дойдя до высшей степени, показало, что онъ будетъ биться, какъ обреченный на смерть: тучею камней и самымъ частымъ огнемъ осыпали текинцы взбирающихся накрутую осыпь артиллерійской бреші. Картечица, привявъ влѣво, а ракеты вправо, усиленно начали обстрѣливать толпы противника, не заслоненныя еще штурмующими; вскорѣ подпоручикъ Юреневъ падаетъ, продолжая командовать ракетами. Текинцы въ какомъ то изступленіи начали, кромѣ камней, пускать въ приближавшихся къ вершинѣ апшеронцевъ ятаганами, пиками, палками, пожами и даже ружьями. Не стало, наконецъ, у штурмующихъ силъ: не дойдя до гребня, присѣли апшеронцы и вторая линія. Генералъ Скобелевъ замѣтилъ эту секунду, и новый крикъ ура трехъ ротъ ставропольцевъ и третьяго баталіона апшеронцевъ, слившійся съ громкимъ крикомъ третьяго баталіона самурцевъ, раздался въ тылу горсти, бьющейся на валу.

Въ то время, какъ ставропольцы и апшеронцы съ двумя гор-

ными орудіями штабсъ-капитана Федорова спѣшили на брешь, самурцы кинулись прямо вдоль правой стороны ручья; перейдя его, приставили лѣстницы и настойчиво лѣзли на стѣну.

Въ параллель этому бою и на артиллерійской бреші, послѣ минутной пріостановки, въ теченіе которой апшеронцы перестрѣливались и перекидывались камнями съ застѣвшими за гребнемъ массами противника, положеніе текинцевъ становилось опаснымъ: пули ширванцевъ съ Сапернаго обвала въ тылъ, пули съ фланга, со стороны взбиравшихся уже на стѣну самурцевъ, и съ фронта, посылаемые штурмующими, начали сильно рѣдить сплотившихся защитниковъ у южнаго угла. Когда кинувшіеся изъ траншей на помощь семь ротъ вбѣжали на стѣну, отчаянный бой, бой грудь съ грудью, закипѣлъ на гребнѣ и за гребнемъ; текинцы одновременно рубились и съ апшеронцами, и съ самурцами.

Въ теченіе этихъ же нѣсколькихъ минутъ жаркаго боя на стѣнахъ южнаго угла крѣпости, въ разныхъ мѣстахъ происходило слѣдующее:

1) Безъ особеннаго сопротивленія со стороны противника, роты самурцевъ отряда подполковника Гайдарова взшли на западную стѣну, привѣтствуемая ширванцами съ Сапернаго обвала; махая шапками и крикомъ ура отвѣчали самурцы перваго баталіона на привѣтствіе своихъ кунаковъ.

2) Въ траншеяхъ праваго фланга внезапно появился унтеръ-офицеръ со знаменемъ, быстро направляющійся къ плотинѣ.... Не надо было объяснять, чье это знамя: потеря 28-го декабря была еще свѣжа въ памяти у всѣхъ. Притихшій уже въ первой линіи нашъ боевой крикъ теперь разнесся въ рядахъ резерва, какъ выраженіе радости. Всѣ наперерывъ подхватывали восторженное ура при видѣ возвращеннаго георгіевскаго знамени 3-го баталіона Апшеронскаго полка.

Текинцы не уступали дешево свой оплотъ; явная смерть не пугала ихъ, и напоръ нашей силы заставлялъ отважнаго противника только вершинами уступать свое мѣсто, не прекращая боя на вершинахъ стѣнъ, составляющихъ южный уголъ.

Тутъ кстати сказать объ устройствѣ стѣнъ, о которыхъ ходили легендарные рассказы: онѣ состояли изъ наружной и задней глинобитныхъ стѣнъ, каждая толщиной фута въ полтора, а высотой отъ 10 до 12, середина же между ними была набита глиной; верхняя площадь этой утрамбованной внутри глины, не доходя до высоты стѣнъ на аршинъ или полтора, представляла такимъ образомъ, если идти вдоль стѣнъ, что-то въ родѣ улицы отъ пяти до семи аршинъ шириною, окаймленной съ обѣихъ сторонъ стѣнками.

Для схода внутрь крѣпости, заднія стѣнки были по мѣстамъ обвалены, а по скату стѣны сдѣланы были углубленныя дорожки въ родѣ промоніе. Во время сильнаго обстрѣливанія стѣнъ анфладнымъ огнемъ, текинцы дошли до необходимости врываться партиями въ верхнюю часть стѣны; такимъ образомъ, оставленные между ямами промежутки, поднятые насыпной землею, образовали прочныя траверзы, за которыми они находили безопасное укрытіе и могли сквозь бойницы вести пальбу даже во время сильнаго бомбардированія.

Изъ этого описанія устройства стѣнъ понятно, какъ трудно было биться нашимъ и на стѣнахъ: эти траверзы служили для насъ брустверами, которые приходилось брать, влѣзая на нихъ изъ глубины сосѣднихъ ямъ; дорого обходилось намъ постепенное завладѣваніе траверзами еще потому, что текинцы обороняли ихъ до тѣхъ поръ, пока, переколотые и перестрѣлянные, до послѣдняго, очищали свободный доступъ къ слѣдующему траверзу; только небольшая часть ихъ успѣла продѣланными внутри стѣны особыми ходами уйти внутрь крѣпости.

Не смотря на серьезность боя, можно было любоваться, съ какою отважностью, не считая непріятели, наши конкурировали съ многочисленными толпами текинцевъ, съ какою быстротою партіи охотниковъ съ офицерами впереди сближались между собою.... Прошло минутъ двадцать, и весь верхъ стѣны былъ въ нашихъ рукахъ.

Во все это время тѣ же семьдесятъ два орудія продолжали гремѣть неумолкаемыми перекатами; дымъ бѣлымъ туманомъ стлался внутри крѣпости, а отъ разрыва шрапнели, надъ сѣверною стороною ея, онъ волновался густымъ большимъ облакомъ, изъ котораго непрерывно сыпался градъ шрапнельныхъ пуль. Всѣ оставшіеся еще въ крѣпости къ сторонѣ кургана кинулись въ пески; замѣтивъ это, поручикъ Дейкинъ и штабсъ-капитанъ Лазаревъ, выкативъ въ поле четыре орудія изъ батареи № 5-го, первыми начали преслѣдованіе уходящаго противника.

Послѣднія же толпы защитниковъ, уцѣлѣвшихъ въ рукопашномъ бою, окруженныя пороховымъ дымомъ, медленно, словно неохотно, подвигались къ сѣверной сторонѣ; наши солдаты, вытянувшіеся вдоль стѣнъ, торопились вкладывать патроны при частой стрѣльбѣ, видя, какъ пули ихъ безъ промаха вязли въ густой массѣ отступающихъ. Это былъ послѣдній расчетъ съ непріятеlemъ и за каждый пройденный имъ шагъ старались заставить его заплатить несравненно большимъ числомъ жертвъ, чѣмъ то, которымъ покупали мы побѣду при наступленіи. Но отступленіе свое текинцы не пятнали бѣгствомъ;

да впрочемъ куда было имъ бѣжать? впереди ихъ трескъ, дымъ и звонкая стукотня о сухую землю, болѣе 9,000 шрапнельныхъ пуль, падавшихъ въ минуту, указывали скорѣе на ожидавшую ихъ могилу, чѣмъ на свободный проходъ.

Отвѣчая на каждый шагъ, уступаемый текинцами наплывомъ большаго числа войскъ, мы поторопились втащить на стѣну и картечницы; среди первыхъ выстрѣловъ послышалась мѣрная стукотня картечницъ гардемарина Голикова и поручика Карпова. Минуту спустя, артиллеристы тащили на лямкахъ и горныя орудія; вскорѣ клубы дыма изъ орудій поручика Тамкѣева обвивали подвѣтый на обвалѣ императорскій штандартъ, а между полковыми знаменами на артиллерійской бреші два орудія штабсъ капитана Федорова тоже начали посылать смерть въ догонку отступающимъ.

Съ вершинъ высокихъ стѣнъ ясно раскрылась передъ нами внутренность Денгли-тепе: на всемъ пространствѣ ровной площади ея, густо заставленномъ кибитками, не было замѣтно даже попытки какими нибудь фортификаціонными постройками затруднить наше дальнѣйшее движеніе и стало ясно, что слѣдуетъ, для достиженія лучшаго результата и наименьшей потери, не откладывая ни минуты, начать преслѣдованіе противника, отступавшаго къ выходу въ пески на сѣверной сторонѣ.

Полковникъ Куропаткинъ первымъ спустилъ три роты ширванцевъ по направленію къ той части стѣны, на которой видѣлись самурцы перваго баталіона. Занимаясь осмотромъ кибитокъ и обстрѣливаніемъ блиндированныхъ ямъ, въ которыхъ засѣло много текинцевъ, ширванцы тихо подвигались впередъ. Немного позже, съ цѣлью очистить отъ непріятели все пространство, прилегающее къ южному углу, съ артиллерійской бреші спустилась тоже часть колонны полковника Козелкова. Рѣдкая ружейная, но безостановочная пальба слышалась въ кибиткахъ, между кибитками въ ямахъ и во всѣхъ скрытыхъ мѣстахъ, гдѣ постоянно открывали притаившихся текинцевъ.

Артиллерійскій огонь къ этому времени прекратился окончательно, только шесть горныхъ орудій, установленныя на стѣнахъ, и четыре мортиры подпоручика Чердиллели, расположенныя внутри крѣпости, какъ видѣшіе все, что происходило, продолжали пальбу по сѣверной сторонѣ.

Большая часть войскъ, обратившись въ зрителей, пристально слѣдила со стѣнъ за дѣйствіями ротъ, спущенныхъ въ крѣпость, и за текинцами, столпившимися у кургана. Едва ширванцы прошли

половину пространства по ширинѣ крѣпости, какъ полковникъ Куропаткинъ, бѣгомъ догнавъ ихъ, приказалъ начать прерванное наступленіе по направленію къ кургану. Майоръ Сивинисъ, развернувъ фронтъ трехъ ротъ своего баталіона направо, началъ наступленіе по указанному направленію, пробираясь между трупами, густо покрывавшими площадь крѣпости. Мѣстность впереди была видимо очищена.

Роты, занявъ по фронту болѣе четырехсотъ шаговъ съ ротою самурцевъ, двигавшеюся по западной стѣнѣ, образовали вмѣстѣ непрерывную линію; какъ продолженіе ея, держась на той же высотѣ, западнѣе крѣпости, двѣ роты 1-го баталіона самурцевъ со спѣшенными казаками на лѣвомъ флангѣ и двумя конно-горными орудіями, подъ начальствомъ капитана Юдина, наступали на ложементы въ песчаныхъ курганахъ, а охотники подпоручика Воропанова, двигаясь сначала по верху восточной стѣны, потомъ спустились и продолжали наступленіе вдоль внутренней стороны ея.

Слѣдя съ высоты за общимъ ходомъ дѣла, поручикъ Карповъ и штабсъ-капитанъ Федоровъ, замѣтивъ отсутствіе артилеріи въ передней линіи войскъ, по собственной инициативѣ тоже спустились съ орудіями и картечью и поспѣшно стали настигать наступавшихъ на курганъ, таща руками свою артилерію; то же сдѣлали и нѣкоторыя части пѣхоты изъ колонны полковника Козелкова: нѣкоторыя роты, полуроты и даже отдѣльныя команды стали входить въ промежутокъ между правымъ флангомъ ширванцевъ и охотниками подпоручика Воропанова. Сзади и лѣвѣе ширванцевъ виднѣлась тоже какая-то рота, кажется, туркестанскаго баталіона и все это спѣшило впередъ. Безъ сопротивленія внутри крѣпости и съ небольшими схватками на песчаныхъ курганахъ распущенныя знамена на стѣнѣ и въ центрѣ крѣпости все ближе и ближе подходили къ кургану; ложементы наверху его и пальба съ вершины, хотя и рѣдкая, указывали на возможность встрѣтить сопротивленіе. Не доходя пятисотъ шаговъ, ширванцы остановились, дали нѣсколько залповъ по кургану и, не получивъ такого же отвѣта, снова начали наступленіе. Не далеко отъ подошвы его всѣ наступающіе снова начали обстрѣливаніе вершины кургана. Послѣ нѣсколькихъ залповъ и появленія на скатѣ знамени ширванцевъ, окруженнаго передовыми солдатами, кинулись на штурмъ съ южной стороны 3-й баталіонъ Ширванскаго полка, а съ восточной и даже съ сѣверо-восточной команды и роты разныхъ частей, начальство надъ которыми пріялъ генеральнаго штаба капитанъ Мельницкій. Громкое «ура» снова разнеслось передъ лицомъ противниковъ, запоздавшихъ отступить въ пески.

Когда самурцы увидѣли знамя на вершинѣ кургана, то, снова привѣтствуя ширванцевъ, замахали шапками; хоры на стѣнѣ и на курганѣ почти одновременно заиграли русской гимнъ, и неистовое, громкое «ура» выразило торжество полной побѣды, завладѣвъ командовавшею высотой надъ всею внутренностью крѣпости.

Но вслѣдъ за этимъ началась та финальная, необходимая часть боя, въ теченіе которой отступающей дорого расплачивается за прежнюю пробу сопротивляться. Особенно настойчивое преслѣдованіе разбитаго непріятеля считается вообще необходимостью, а при покореніи азіатскихъ племенъ, въ особенности текинцевъ, имѣвшихъ въ 1879 году успѣхъ надъ нашими войсками, по мнѣнію большинства необходимо было такое пораженіе, чтобы ужасъ, наведенный на нихъ, съ корнемъ вырвалъ изъ ихъ памяти прошлогоднюю удачу при столкновеніи съ нами.

Внутри крѣпости еще необходимо было кончить расчетъ съ засѣвшими въ калѣ, изъ которой при занятіи кургана было сдѣлано нѣсколько залповъ въ тылъ нашимъ войскамъ; для этого спустилась съ вала рота самурцевъ, а изъ колонны капитана Мельницкаго—рота ашеронцевъ. Обречшіе себя на смерть отчаянно отбивали нападенія пѣхоты; когда же штабсъ-капитанъ Федоровъ далъ нѣсколько выстрѣловъ по калѣ вдоль фронта нашего наступленія, текинцы отшатнулись отъ стѣны, и, воспользовавшись этимъ, ашеронцы съ одной стороны, а самурцы съ другой ворвались внутрь калы... Прошло нѣсколько минутъ, и храбрые защитники, предпочевшіе избрать эту родную калу своею могилою, почетно рассчитались съ жизнью.

Въ это же время всѣ передовыя части войскъ, конно-горный взводъ и усиленный уже съѣсть на коней дивизіонъ тверскихъ драгунъ кинулись въ пески для преслѣдованія ушедшихъ текинцевъ. Если-бы кто нибудь захотѣлъ представить себѣ картину, какъ смерть, аллегорически изображаемая съ косою, примѣняетъ свое оружіе на манеръ косаря, то ничего лучше не могло осуществить эту воображаемую сцену, какъ производившееся тогда преслѣдованіе. Пораженіе противника ужасомъ было достигнуто вполне: шашки, пули и картечь, обходя только женщинъ и дѣтей, безъ жалости устилали путь трупами и истребляли пески кровавыми лужами. Ужасъ текинцевъ выражался своеобразно и почетно въ смыслѣ военномъ: отступленіе ихъ не было обгѣтомъ подъ вліяніемъ паники, а представляло разбросанную силу, вытѣсненную другою и потерявшую способность ко всякой активной оборонѣ: часть текинцевъ на ходу

покорно принимали смерть, не выпуская оружия, а многие, дождавшись преследователей, поворачивались лицомъ къ смерти и кидались въ одиночный бой; безъ стона падали они и безъ признаковъ отчаянія отдавались страшной участи.

Во время преслѣдованія противника крѣпостныя стѣны продолжали заниматься нашими войсками и даже были втянуты на артиллерійскій обвалъ нѣсколько орудій 4-й легкой батареи 20-й артиллерійской бригады, которая потомъ на лошадяхъ передвинулась къ кургану, занятому горными орудіями.

VIII.

Сцены въ крѣпости по удаленіи противника. — Появленіе текинцевъ и дѣтей ихъ изъ-подъ земли. — Торговля захваченнымъ имуществомъ. — Возвращеніе частей, преслѣдовавшихъ неприятеля. — Генералъ Скобелъ въ благодарить войска. — Занятіе крѣпости на ночь. — Нѣсколько словъ о востокѣ, въ какомъ войска провели вечеръ. — Благотѣльная роль офицеровъ въ бою и о понесенной ими значительной потерѣ. — О честномъ исполненіи текинцами обязанности защитниковъ края. — 13-е января. — Оживленная картина смѣняетъ мертвый видъ на траншеяхъ. — Парадъ. — Нѣсколько словъ о генералѣ Скобелевѣ.

По удаленіи войскъ для преслѣдованія, сцены борьбы и смерти смѣнились картинами несравненно болѣе миролюбиваго характера: дозволеніе, данное войскамъ забирать все оставленное текинцами, заманило массу охотниковъ; по всей площади укрѣпленія, густо заставленной кибитками, быстро шныряли солдаты цѣлыми партіями налегкахъ, и по разнымъ направленіямъ мѣрно двигались одиночные люди, навьюченные коврами и разными пригодными вещами; вереницы женщинъ и дѣтей, буквально появившихся изъ-подъ земли, пестрѣли въ разныхъ мѣстахъ своими цвѣтными лохмотьями и, проходя мимо солдатъ, сквозь слезы произносили: «аманъ!... аманъ!» — Имъ указывали пунктъ сбора, и они, трепеща за свою участь, отправлялись къ группамъ женщинъ, охраняемымъ солдатами.

Обстрѣливая блиндированныя ямы, наши стали вытаскивать оттуда все, что попадалось подъ руку, и въ скоромъ времени обширная внутренность крѣпости занестрѣла грудами хлопка, не отцѣленного еще отъ плода, несущую оборванною одеждою, шубами, кошмами, одежлами всѣхъ цвѣтовъ и другою разнородною рухлядью; лужи крови и труны словно исчезли среди этихъ разноцвѣтныхъ вороховъ. Въ скоромъ времени нѣкоторыя женщины, по преимуществу пожилыя, тоже присоединились къ нашимъ солдатамъ, подхватывая и на свою долю одѣяло, полушубокъ или коврикъ. Какъ-то скоро поблели онѣ, что имъ не угрожаетъ смерть и что

Г
р
с
ф
у
в
т
н
с
с
о
м
н
л
и
р
ст
ш
н
к
в
ка
ла
эт
не
ме
лв
и
до
за
на
об
ле
та
ва
и
ра
сло

насиліе надъ женщинами у насъ считается преступленіемъ. Въжливое и даже предупредительное отношеніе офицеровъ, уморительно острыя, но не оскорблявшія ихъ шуточки солдатъ, приставленныхъ для ихъ охраны, быстро разсѣивали ихъ опасенія.

Между тѣмъ горячая торговля закипала въ разныхъ мѣстахъ: офицеры представляли собою центры, куда стаскивались всѣ раздобытыя вещи; сначала они были единственными покупателями. Главныя предметы торговли составляли ковры, серебряныя убранства для лошадей и къ женскимъ костюмамъ, парадныя мужскіе и женскіе халаты, шелковыя матеріи туземнаго производства, ковровыя попоны, чапраны, сѣдла и т. п. Все это, конечно, продавалось очень дешево, но, не смотря на дешевизну, не было солдата, который бы въ часъ не выручалъ около двадцати пяти рублей.

Приближался вечеръ. Въ укрѣпленіи показались драгуны, возвратившіеся изъ преслѣдованія; перевязанныя головы и руки нѣкоторыхъ изъ нихъ показывали, какъ умирали отступавшіе; появился наконецъ и генералъ Скобелевъ; его искренняя благодарность войскамъ такъ и высказывала желаніе обнять каждого. «Вы, братцы, сдѣлали сегодня славное, большое дѣло», говорилъ онъ, и вѣрилось какъ самой истинѣ: въ его рѣчахъ было столько радостной признательности, что не могла проскользнуть ни одна фальшивая, казенная нотка. «Рады стараться!» отвѣчали ему солдаты, не выводя свой отвѣтъ изъ узкой рамки, установленной какъ единственное средство, дающее возможность говорить съ массой, но въ голосъ и въ глазахъ солдатъ выражалось воодушевленіе и готовность такъ же честно встрѣтить все, что будетъ предстоить въ неизвѣстномъ будущемъ, хотя бы занять другую такую же крѣпость.

Спускались непродолжительныя, южныя сумерки. Крѣпость начала пустѣть: офицеры, сгоняя солдатъ въ лагерь, понемногу стали удаляться за своими продавцами. Часть нѣхоты съ полубатареей 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады остались для охраны внутрѣнности крѣпости; вершина же кургана была занята, кромѣ нѣхоты, еще двумя взводами 6-й горной батареи 21-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ф. дорова и подпоручика Познанскаго; на ней же установлены были и два орудія, бывшія въ рукахъ текинцевъ. Съиграли зорю. Стемнѣло, и внутри стѣнъ Денгли-тепе, обставленныхъ нашими часовыми, смолкло все, только за крѣпостью, въ десяти-тысячной толпѣ женщинъ и дѣтей, собранной въ одно мѣсто, слышался дѣвскій плачь на всѣ голоса и причиты-

ванія взрослыхъ, а изъ рва за стѣной близъ обвала доносились тихіе стоны: то былъ перевязочный пунктъ; фонари освѣщали окровавленныхъ страдальцевъ, среди которыхъ медикъ Юльскій отъ начала штурма работалъ, не вставая съ колѣнъ.

Еще много текинцевъ, притаившихся и не отысканныхъ днемъ, не шевелясь, съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали конца дня, — и вотъ наступила желанная, безлунная, хотя безоблачная ночь и началась послѣдняя игра на жизнь и смерть: немногимъ счастливымъ удалось проскользнуть черезъ стѣну въ пески.

Какъ проведенъ былъ вечеръ — рассказывать нечего; всѣ были въ праздничномъ настроеніи. Это чувство солдаты опредѣляютъ выраженіемъ: «точно изъ бани вышелъ, хорошо попарившись»; суровыя сцены недавняго боя возбуждаютъ такое настроеніе не могли, такъ какъ сами обыкновенно смягчаются въ воображеніи участниковъ, иррадирующихъ въ кругу товарищей и находящихся въ настроеніи обнять всякаго. Видъ бѣгущаго противника, за минуту передъ тѣмъ вырвавшего изъ рядовъ героевъ дня, рыцарская гордость побѣдителя при очевидномъ доказательствѣ, что не удалось противнику устрашить его, видъ многочисленныхъ жертвъ непріятеля, удовлетворяющій за тѣ жертвы, которыми оплачивалось усиліе одолѣть его, сознаніе, что побѣдой этой возбуждена общая радость соотечественниковъ, основанная на ожиданіи скораго удачнаго исхода войны, все это сливалось въ одно впечатлѣніе — торжествующую гордость побѣдителя, которую онъ испытываетъ подъ финальнымъ громомъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Проиграли текинцы свое дѣло... многочисленность не выручила ихъ! Но въ этомъ бою имя храбрыхъ, имя героевъ заслужено павшими для всего своего племени; тяжелой жертвой покупалось нами все, что для нихъ было дорого. Невиданный ими адъ отъ артиллерійскаго огня и взрывъ, заставивъ отважныхъ защитниковъ дрогнуть передъ такими ужасами и значительную часть ихъ оставить крѣпость ранѣе штурма, только и выручили насъ изъ большой опасности. Неизвѣстно, то-ли бы произошло, еслибъ тысячъ пятнадцать ушедшихъ до боя остались въ крѣпости и кинулись на помощь оборонявшимся южный уголь, которому угрожало всего около трехъ тысячъ штыковъ? Въ рукопашномъ бою число войскъ играетъ огромную роль, и оно было не на нашей сторонѣ. Къ счастью, половина оставшихся оказалась подъ силу нашей горсти героевъ, и текинцы, послѣ упорнаго боя, сдали Денгли-тепе.

Объ отнятыхъ у нихъ трофеяхъ говорить не буду, не до обороны ихъ было текинцамъ: гибель массы ихъ, около 8,000, очевидно оканчивала войну; для чего имъ было брать съ собою наши орудія, къ чему было тащить свое мѣдное орудіе, приспособленное къ толстому бревну, служившему лафетомъ, укрѣпленнымъ на сильно погнутой оси, и брать съ собою фальконеты, прикрѣпленные къ деревяннымъ рамамъ.

Число погибшихъ текинцевъ трудно опредѣлить. Жандармскій офицеръ, наблюдавшій за зарытіемъ труповъ, насчитывалъ въ одной крѣпости болѣе 8,000, а сами текинцы насчитываютъ погибшихъ товарищей за все время осады до 14,000 человекъ.

Еще не всѣ проснулись 13-го января, какъ въ отдаленіи, къ сторонѣ крѣпости, послышались залпы... «Это что такое?» вырывался у каждаго невольный вопросъ; затѣмъ, многіе изъ неудоивавшихъ, подумавши, произносили: «Ахъ, да, не всѣ счеты сведены съ текинцами».

Чудное, ясное утро освѣтило новую картину: не вчерашнее чистое мертвое поле съ насыпями по всѣмъ направленіямъ, скрывавшими движеніе и оберегавшими жизнь атакующихъ, представлялось теперь, а оживленная площадь, по которой массы солдатъ, персіянъ и армянъ—и пѣшихъ и конныхъ—двигались открыто въ крѣпость и изъ крѣпости. Если въ общечеловѣческомъ вкусѣ картина эта, съ прибавкою деталей, оставленныхъ вчерашнимъ упорнымъ боемъ, должна казаться не особенно привлекательною, то намъ, ставившимъ вчера свою жизнь всѣмъ случайностямъ, наоборотъ, она имѣла нѣкоторую прелесть.

Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ глядѣли мы въ этотъ день на стѣны Денгли-тепе, на которыя еще вчера смотрѣть открыто стоило жизни. Теперь они изображали только ограду, черезъ которую свободно проходили тысячами наши аламанчики, навьючившись разнымъ имуществомъ съ какой нибудь курицей или трасированнымъ ястребомъ наверху, а за нею другія тысячи разыскивали брошенные цѣнныя вещи, пробираясь мимо хозяевъ, либо безжизненно глядящихъ на нихъ, либо лежащихъ съ закрытыми глазами, точно не желая видѣть, что происходитъ вокругъ нихъ. Все пространство между стѣной крѣпости и Охотничьей каюю было густо покрыто женщинами и дѣтьми; тутъ только, при нискѣ и плачѣ голодныхъ и осиротѣлыхъ малютокъ, что-то показывало въ сердце большинства любопытствующихъ, окру-

жавшихъ эту площадь. Еще не было десяти часовъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ послышались хоры военной музыки, и вслѣдъ за этимъ рота за ротой переходили обвалъ, какъ единственный проходъ, и направлялись къ средней площади, расчищенной для предстоящаго парада.

Среди каре передъ аналоемъ выстроились знамена, между которыми красовалось и отобранное отъ текинцевъ знамя 3-го баталіона Апшеронскаго полка. За молебномъ послѣдовала панихида объ убитыхъ на штурмѣ, затѣмъ другая—о погибшихъ подъ этою крѣпостью въ 1879 году. По окончаніи окропленія войскъ святою водою, всѣ ждали слова генерала Скобелева; войска нуждались въ похвалѣ любимаго начальника—въ его благодарности. Да и умѣлъ онъ съ такою искренностью, съ такимъ увлеченіемъ говорить свое спасибо, что любо было его слушать.

Правило генерала Скобелева знакомить начальниковъ частей со всѣми своими желаніями и цѣлями въ предстоящемъ бою не могло не приносить самые блестящіе результаты и избавляло его самого отъ необходимости писать диспозиціи съ безчисленными подробностями, а недозволеніе даже себѣ вмѣшиваться въ детальныя распоряженія каждаго изъ начальниковъ развязывало всѣмъ руки, и всѣ его диспозиціи разыгрывались точно безъ малѣйшаго замѣшательства.

Во время боя генералъ Скобелевъ всегда зорко слѣдилъ за всей линіей, пущенной въ бой, и малѣйшее качаніе не ускользало отъ его вниманія. Въ бою всѣ начальники, дѣйствуя самостоятельно, чувствовали въ то же время, что возжи въ рукахъ опытныхъ, умѣющихъ во-время исправить каждую ошибку, и это сознаніе еще болѣе развивало смѣлость въ распоряженіяхъ начальниковъ, управлявшихъ боемъ.

Скобелевъ говорилъ, что изъ отраднѣйшихъ воспоминаній будетъ текинскій походъ, гдѣ онъ видѣлъ замѣчательно честное исполненіе офицерами своей обязанности и идеальный порядокъ, что здѣсь осязательно, въ первый разъ, на дѣлѣ убѣдился онъ въ той пользѣ, какую можетъ принести хорошая артилерія и что предварительное обстрѣливаніе непріятельской позиціи артилеріею—не тактичeskій фарсъ, созданный для запугиванія противника, а можетъ быть употреблено какъ фактическая подготовка для окончательнаго пораженія непріятеля. Солдаты и офицеры повѣрили также, что, кромѣ той любви, которую онъ всегда питалъ къ солдату, теперь, при

видѣ молодецкой его удали штурмуя Денгли-тепе, безпримѣрной бодрости, при почти сверхъ-естественныхъ усиліяхъ, копая траншеи и выстаивая ночи въ ожиданіи нападенія непріятеля, онъ съ глубокимъ уваженіемъ кланяется ему.

